

СОРА НАУМОВА
МАРИЯ ДУБИНИНА

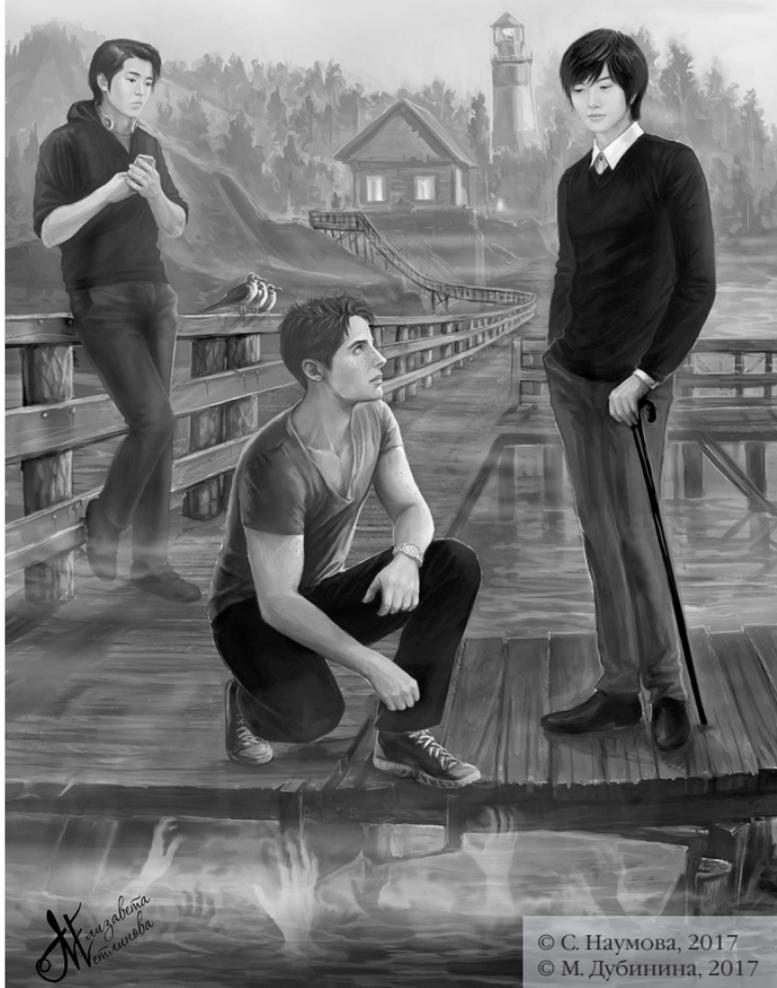
СИНТАР
ОСТРОВ-УБИЙЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПАРАЛЛЕЛЬ»
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
НЗ4

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Наумова Сора, Дубинина Мария
НЗ4 Сингар. Остров-убийца: [роман]/ Сора Наумова, Мария
Дубинина. — Новосибирск: Параллель, 2017, 306 с.
ISBN 978-5-98901-197-1

М. Наумова
М. Дубинина

© С. Наумова, 2017
© М. Дубинина, 2017

*Выражаем благодарность
своим друзьям, без поддержки которых
ничего бы этого не было:*

Ирине Успенской - за огромнейшую поддержку и доб-
рые (иногда НЕдобрые) слова, когда они особенно
необходимы.

Жене Ульяничевой - за неугасающий интерес,
помощь с ведением группы ВК и кучу добрых слов.

Клубу «Офигенных» - за то, что терпите, когда нас
заносит (а это случается часто).

Спасибо нашим драгоценным читателям, которых
не так много, но зато они самые лучшие: **Оле
Раншаковой, Кате Ванюшкиной, Ксении
Лазарус, Ирине Перхиной, Алле Железновой,
Наташе Третьяковой** и еще всем, кого мы вдруг сей-
час совершенно случайно не вспомнили!

Коллегам по перу: **Оле Валентеевой, Марине и
Ксюше (Эльденберт), Анне Валентиновой,
Александру Белову, Светлане Казаковой,
Антонине Бересклет** и всем-всем-всем, кто читал
«Дзюсан» и болел за второй том не меньше самих
авторов!

Все последние новости и информацию о книгах авторов можно
найти в нашей группе ВКонтакте: **vk.com/juusan**

Список действующих лиц¹

- Генри Макалистер (шотландец) – частный детектив
Кимура Сората (японец) – бизнесмен
Курихара Хибики (японец) – воспитанник Сораты
Кейт Паркер (англичанка) – девушка Генри
Саваки Мицуки (японка) – невеста Сораты
Масамуне Иноске (японец) – помощник Сораты
Хасегава Руми (японка) – жена одного из спонсоров
Отто Фишер (немец) – психолог
Кутанаги Тору (японец) – корреспондент газеты «Майни-
ти симбун»
Дэвид Тэйлор (американец) – кузен Сораты
- Нанами (японка) – нанятая служанка
Аями (японка) – служанка из дома Кимуры
Отоя (японец) – смотритель маяка (лодочник)

¹ для японский имен действует следующий порядок: сначала фамилия, потом имя.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ.

в которой мертвые указывают верный путь

*Два лишних года
В моей мимолетной жизни
Я любовался луной.
(Сайкаку Ихара)*

«Одиночество не так пугает только до тех пор, пока не встретишь человека, с которым захочешь провести всю жизнь. И вот тогда становится по-настоящему страшно остаться одному. Прости, Генри».

(Из дневников Кимуры Сораты, август, 2013 г.)

Погода, как и настроение, была на редкость удручающей.

Генри остановился возле окна на втором этаже старого, насквозь сырого здания из обветшалого кирпича. Заходящее солнце безжалостно подчеркивало грязные разводы и пыль на стекле, но далекий горизонт уже затягивался свинцовыми тучами. Обычное английское ненастье. Жаль лишь, царило оно не только за окном.

Когда Генри, бросив все, примчался в такую даль – приморский городок Клифф Энд, обдуваемый ветрами с Ла-Манша – он догадывался, что путешествие снова окажется напрасным.

– Мистер...

– Макалистер, – подсказал Генри, но женщина, заговорившая с ним, и не пыталась запомнить. Сухая и какая-то застывшая, она даже не поменялась в лице, произнося фразы, как строки из Библии, что, наверняка, знала наизусть.

– Все личные вещи забрала полиция. Мы ничем не можем вам помочь. Простите.

Генри заверил владелицу пансиона, что ни в чем ее не упрекает, и ушел. Ступени отчаянно скрипели под подошвами ботинок, лампочки горели блекло и через одну мигали. Давящий сумрак пустого холла, спертые запахи старого жилья и аромат близкого дождя, проникающий сквозь негромко хлопающую форточку, довершали безрадостную картину долгого бессмысленного дня.

Оказавшись, наконец, на улице, Макалистер вдохнул полной грудью и поднял воротник коричневого плаща, защищаясь от соленого ветра. Потом достал из кармана блокнот в мягкой обложке и, раскрыв почти на середине, карандашом вычеркнул строчку.

Рита Волкер.

Прошло два года с закрытия Академии «Дзюсан». Два года и четырнадцать дней, если быть точным, а Генри не мог не быть точным в этом вопросе, даже если давно запретил себе мысленно вычеркивать календарные дни. Глядя на стремительно темнеющее небо, он будто видел точно такое же сумрачное небо над далеким островом в Японском море. Только вот прошлое на то и называется прошлым, что его ни за что не удастся вернуть. К счастью, к платформе подъехал поезд, и Генри без сожаления попрощался с мрачным промозглым Клифф Эндом, в котором оборвалась еще одна ниточка его сумбурного расследования. Железная дорога уносила его обратно, к шумным кварталам Ньюхема. Сделав немислимую петлю, она прошла недалеко от побережья, и сквозь толстое стекло Макалистер увидел полосатую громаду маяка и словно бы даже услышал плеск бьющихся о скалы волн. Но скоро дорога вновь сделала крутой вираж, и поезд понесся прочь от моря и сырого ветра.

Дом по Линкольн-роуд стоял в самом конце улицы, и окна его выходили точно на кладбище Плашет, что ранними прохладными утрами скрывалось под сероватой вуалью тумана. Милый таунхаус на три семьи, с белеными стенами, крылечками и коваными заборчиками. Такси остановилось у третьей квартиры, и Макалистер, расплатившись, подошел к калитке. Отчего-то не хотелось идти домой, хотя он устал с дороги и, откровенно говоря, сильно проголодался. На втором этаже колыхнулись занавески, и одна из створок открылась:

– Генри!

Кейт выглянула наружу, помахала ему рукой и скрылась. Генри, не спеша, поднялся по ступенькам крыльца и толкнул незапертую дверь. Его ждали.

– Генри! – Кейт как раз сбегала по лестнице и, встав посреди гостиной, сурово скрестила руки на груди. – Ты не предупредил, что так сильно задержишься. Ужин остыл.

– Прости, – он виновато улыбнулся и стянул с шеи шарф.

– Тебе не кажется, что «прости» будет маловато? – Кейт нахмурилась. – Почему ты не брал трубку? Я звонила.

Ровно десять раз - Генри проглядел непринятые вызовы в поезде. Но вместо ответа повесил плащ на вешалку в крохотной прихожей и прошел мимо девушки в ванную комнату, но Кейт схватила его за рукав:

– Я ушла с работы пораньше, потому что хотела сделать тебе приятно.

– Мне приятно, Кейт, – Генри наклонился и коротко поцеловал ее в щеку. – Нужно вымыть руки, я скоро.

Он нырнул за дверь ванной и привалился к ней спиной. От голода немного мутило – за весь день он съел только пару бутербродов. Генри открыл кран, сполоснул руки и лицо, а после, взявшись за края раковины, внимательно посмотрел на себя в зеркало. Все такой же, как и два года назад, только с глазами что-то не так. Взгляд другой, взгляд человека, готового сдать.

– Генри, что ты там делаешь? – его прервал требовательный стук. – Если собрался купаться, мог бы и сказать, я накрываю на стол.

Он сунул руку под струю и зашипел от боли - забывшись, включил горячую воду. Ладонь покраснела, но Макалистер был рад этой боли, ею можно будет оправдаться перед Кейт за унылое выражение лица. Странно лишь то, что ему вообще приходится оправдываться перед девушкой, которую он... с которой он живет.

Кейт уже сидела за круглым обеденным столиком. При виде Генри она торопливо вскочила и, не говоря ни слова, пошла к плите. От сковороды, стоило только поднять крышку, запахло разогретым гуляшом. Кейт прекрасно знала Генри и его страсть к мясу, что неудивительно за более чем пятилетний срок знакомства.

– Приятного аппетита, – она поставила перед ним тарелку и села напротив. На ее блюде грустно высилась горка тушеных овощей, дань диете. Макалистер поблагодарил и взялся за вилку. Впрочем, кусок не лез в горло под пристальным взглядом.

– Что?

– Думаю, готов ли ты уже извиниться, – тон Кейт отдавал отточенной сталью. В этом была вся она – хрупкая изящная нежность с одной стороны и твердый металл с другой. Генри тоже успел ее изучить, в том числе и за те пять месяцев, что они жили под одной крышей в квартире номер 3 по Линкольн-роуд, пригород Лондона Ньюхем, Велико-

британия. До сих пор этот набор слов никак не ассоциировался у Генри с местом, которое люди назвали бы домом. Просто почтовый адрес. Никакое место на карте теперь не вызывало у Генри теплых чувств. Дом там, где семья? У него ее не было. Его дом мог бы быть там, где остался человек, с которым он не мог быть рядом. Единственный в своем роде.

– Ну почему ты такой?! – Кейт внезапно вскочила из-за стола. – Я из кожи вон лезу, чтобы тебе было хорошо со мной, чтобы ты возвращался в чистый дом, ел вкусную еду, чтобы ты был счастлив, в конце концов! Почему ты такой, Генри? Что я делаю не так?

– Сядь, пожалуйста, – он вытер губы салфеткой и спокойно посмотрел на Кейт. – Я не хочу с тобой ругаться, давай хотя бы не сегодня? Я...

– Ах, не сегодня? – она швырнула на пол полотенце, которое зачем-то взяла в руки. – Ты пропадаешь на целый день, оставив только записку на холодильнике, заявляешься, когда уже стемнело, и предлагаешь обсудить это завтра? А завтра что? Куда ты пропадешь завтра? Это же твой дом, Генри. Наш дом.

Генри начал злиться.

– Это всего лишь съемная квартира, и не ты ли говорила, что тебя угнетает вид за окном, что сосед противный старик, а кошки семьи О'Нил гадят на наших цветочных клумбах?

Кейт растерянно заморгала. Ее темно-карие глаза стремительно наполнились слезами обиды. Острые плечики напряглись.

– Ну и что? Я не хочу жить напротив кладбища и видеть, как ты смотришь на него из окна нашей спальни. Будто тебе было бы приятнее быть там, чем в постели со мной.

На это Генри не нашел, что возразить, ибо более глупого заявления в жизни не слышал. И вообще, у него пропало желание ужинать.

– Это бред, Кейт. Я наелся. Пойду лучше в душ.

– Стой! – она бросилась наперерез. – Прости, я просто перенервничала. Давай спокойно доедим? Ты, наверное, голодный, я же вижу.

И она замерла, как котенок, который боится, что хозяин его ударит.

Генри вздохнул и вернулся за стол, но ужин все равно прошел в напряженном молчании, как и многие ужины до это-

го. Генри все чаще казалось, что он где-то ошибся и не сможет исправить ошибку сам.

После душа он поднялся на второй этаж, где в спальне уже горел ночник, и в постели, поверх одеяла, лежала Кейт и листала журнал. Комната несла на себе отпечатки ее вкуса – Кейт сама выбирала обои, шторы, определяла цветовые решения и заполняла спальню чисто женскими мелочами, делающими ее уютной и красивой, но Генри не чувствовал себя частью этой атмосферы. Он переоделся и лег, тут же отвернувшись от девушки, но скоро почувствовал в темноте, как ее горячие руки обнимают его за пояс, а дыхание щекочет спину. Он так привык к этим ощущениям, что даже не мог ответить, приятны они ему или уже нет. И если верно последнее, то как он пропустил момент, когда это произошло с ними?

За завтраком Кейт была непривычно бодра и приветлива, будто и не было вечернего конфликта.

– Доброе утро, соня, – она поцеловала его и потрепала по взлохмаченным волосам. – Я сегодня с десяти, так что успела приготовить кое-что вкусненькое.

Кейт вернулась к плите и взялась за лопатку. Генри не мог не заметить, что для этого совместного завтрака она выбрала его старую рубашку, которая на ней больше походила на платье, а длинные гладкие волосы собрала в хвост на затылке. Хорошее настроение делало Кейт еще более привлекательной, она пританцовывала, светя голыми стройными ногами. Определенно, она была красивой и умной девушкой, хорошей хозяйкой и обладала еще массой достоинств. Генри невольно улыбнулся, когда она вернулась к столу с тарелками.

– Приятного аппетита, дорогой!

– Приятного аппетита, – Генри принялся за еду, мысленно радуясь, что некоторая напряженность между ними осталась во вчерашнем дне. Однако, возможно, он ошибался.

– Где ты вчера был? Может, все же расскажешь?

Макалистер покачал головой:

– Не думаю, что тебе будет интересно... В общем, я ездил в Клифф Энд.

– Это в Восточном Сассексе? Как тебя туда занесло?!

– Новое сообщение на моем сайте, – Генри очень хотелось поговорить об этом, рассказать все, что удалось узнать. – В одном из пансионатов поселился медиум, побывавший несколько

месяцев назад на Синтаре. Ее звали Рита Волкер. Но она погибла точно так же, как и остальные, за несколько дней до моего приезда. Уже шестая, Кейт. Таких случайностей не бывает.

Кейт поморщилась досадливо:

– Когда ты уже успокоишься, Генри? Прошло два года, забудь ты этот остров, эту Академию и этого Сорату. Он наверняка уже и не вспоминает тебя.

Вилка, которой Генри дирижировал своему короткому рассказу, выскользнула из пальцев и со звоном ударилась о край тарелки. Сердце будто сжало в тисках.

– Причем здесь он?

Девушка упрямо вскинула голову, тоже отставляя чашку с недопитым кофе:

– Можно подумать, это не ясно, как божий день. Ты хочешь вернуться в Японию, будь она неладна, чтобы повидаться с человеком, который забыл твою фамилию, стоило ему только оказаться дома.

Генри почувствовал, что снова закипает. Картина уютного светлого утра рушилась на глазах, погребая его под останками:

– Не смей так о нем говорить! – он ударил кулаком по столу, посуда жалобно звякнула, а Кейт испуганно вжала голову в плечи. – Он... Дело в другом.

Он не стал снова повторять то, что она и так успела выучить наизусть. Ничего не изменилось в его намерениях, лишь добавилось новых фактов. Когда два года назад он вернулся, то уже знал - ничего не закончено. Дикрайн и его эксперимент лишь видимая часть, скрытую же ему только предстоит постичь. Чем он и занялся, создав сайт для поиска людей с особыми способностями и следя за всеми новостями, хоть как-то касавшихся Синтар и Академии. Генри хотел узнать первопричины, по которым Синтар стал идеальным местом для опытов Дикрайна, он чувствовал вину перед сестрой и пытался объяснить все это Кейт, но не стоило и надеяться, что она его поймет.

Да, он долгие месяцы только и говорил, что о Кимуре, но время не стоит на месте. Генри почти привык не произносить его имени, уж точно не вслух.

– Конечно, – Кейт покорно опустила голову, и хвост длинных каштановых волос упал на плечо. – Да, я понимаю.

Ничего она не понимала, но Генри на нее не обижался. Порой ему казалось, что он сам ровным счетом ничего не

понимает, ни в жизни, ни в людях, ни даже в себе самом. Особенно в себе.

– Как прошел твой день? – решил он сгладить неловкость от своего излишне эмоционального поступка. Обычно при Кейт он не позволял себе подобного, чтобы не напугать. Девушка его неуклюжий ход, конечно, разгадала, но смогла улыбнуться, будто ничего не произошло:

– В обед мы с моей сменщицей, Лэйси, заходили в кафе. Ты знаешь, они с мужем ждут ребенка. Представляешь? Она так похорошела, округлилась немного. Я ей даже завидую, – Кейт опустила глаза и порозовела. – Они уже даже имена придумали, если будет мальчик и если будет девочка. Лэйси хочет мальчика, а я даже не знаю, кого бы хотела больше. А ты?

– Не знаю, мне все равно, – Генри уже пожалел о своем вопросе. – Девочку, наверное.

Он бросил взгляд на часы, и Кейт сделала то же самое.

– Ой! Мне пора! Давай встретимся в обед, посидим где-нибудь?

Генри быстро согласился, тем более что его дела как раз до обеда должны были разрешиться. Договорились на два часа в кафе «Чикаго», и Кейт, довольная хотя бы такой победой, убежала на работу.

Оставшись в одиночестве, Генри, наконец, почувствовал облегчение. Было тихо, спокойно, где-то в глубине дома тикали часы. Он посмотрел по сторонам – все знакомо и привычно. Генри сам занимался ремонтом, когда они только переехали, Кейт помогала. Помнится, когда дошло до покраски, она вся перемазалась, и даже пришлось выстригать прядь волос, слипшуюся намертво. Но она смеялась, вырывалась из рук, и в итоге его футболка вся пестрела отпечатками ее ладоней. А теперь почему-то пустой дом ему нравился больше, чем наполненный высоким звонким голосом и присутствием другого человека. И дело было вовсе не в Кейт. Хотя она во многом права. Генри хотел отыскать правду о том, что происходило на Синтар долгие годы не только для себя, но и для Сораты тоже, пусть он об этом может никогда и не узнать.

Ближе к обеду прошел небольшой дождь, но теплое августовское солнце быстро подсушило лужи, и воздух поплыл от навязчивого запаха горячего асфальта и испаряющейся

влаги. Офис детективного агентства, иногда пользующегося специфическими услугами Макалистера, притаился во дворе между магазином подержанной одежды и не слишком популярной пивной. При таком соседстве найти офис было не самой простой задачей, но Генри точно знал, куда шел. Единственное, что его немного смущало, это неприятная щекотка между лопатками – верный признак слежки. Не слишком профессиональной, если на то пошло, поскольку тощую девчонку со светлыми косичками и низко надвинутой кепке он заметил давно. Она терпеливо дождалась, когда он выйдет из агентства и свернула вслед за ним в подворотню за пивной.

Генри ничего не стоило пропустить ее мимо, притаившись в тени, и схватить за капюшон.

– Ай! Ай,пусти! – заверещала она, и Макалистер одной рукой приподнял девчонку над землей. Не слишком легко, зато всегда производит нужное впечатление. – Пусти меня немедленно, я закричу!

– Ты уже кричишь, – жестко осадил ее Генри и поставил на ноги. – А я могу заявить на тебя по факту преследования.

Разумеется, ничего подобного у него и в мыслях не было, но припугнуть юную шпионку стоило, тем более что она действительно присмирела. Тень от козырька падала на лицо, и его никак не удавалось разглядеть. В подворотне не слишком приятно пахло застарелыми испражнениями и мусором, поэтому Генри предложил:

– Давай мы найдем место получше, и ты расскажешь, зачем столько времени ходила за мной след в след?

Девчонка кивнула и шмыгнула носом, что Генри расценил как безоговорочное согласие. Спустя полчаса они оба сидели друг против друга в кафешке в соседнем квартале, она цедила молочный коктейль из высокого стакана, а он лениво мешал ложечкой сахар в чашке с кофе.

– Ну?

Девочка вздрогнула и крепче вцепилась пальцами в стакан. Посетителей было немного, но на их столик в самом дальнем углу все равно не обращали внимания ни они, ни даже официантки. Под потолком успокаивающе гудел вентилятор, а у стойки по телевизору крутили какой-то модный музыкальный клип.

– Меня скоро убьют, – вдруг без перехода заявила она. Голос у нее на самом деле оказался неожиданно низкий, грудной, легкий акцент выдавал в ней уроженку графства

Кент. Макалистер аккуратно отложил ложку и оперся локтями о столик:

– Как тебя зовут?

– Нина.

– Тебе угрожали?

Она медленно покачала головой. Сейчас можно было видеть, что у нее бледная кожа, россыпь веснушек, круглые щечки и серые глаза с выгоревшими ресницами. На вид ей не дашь больше шестнадцати. Генри присмотрелся внимательнее, потому как что-то не давало ему сосредоточиться, отвлекало. Он потер пальцами висок, прикрыл глаза на мгновение, а когда снова открыл, всего на долю секунды увидел тень. Она стояла за спиной Нины, вроде бы точно повторяя ее хрупкий маленький силуэт, но с другой стороны – накрывая его, окутывая своей темнотой. Девочка походила на птичку, завязшую в луже с нефтью. Возможно, это короткое видение, а, может, и интуиция, заставили Генри отнестись к ее словам серьезно.

– Расскажи по порядку, Нина, – мягко попросил он и, не глядя, сбросил входящий вызов на не вовремя зазвонившем телефоне.

– Я читала ваш сайт, – несмело сказала девочка. – И... я была на острове. Месяц назад.

Синтар быстро превратился в мекку для сотен любителей паранормального во всем мире, но не так давно у острова появился новый владелец, имя которого пока держалось в секрете.

– Я не медиум. Знаю, вы ищете именно их, но поверьте мне, пожалуйста. Я просто хотела узнать, правда ли то, что пишут в Интернете про это место, про энергию, которая делает людей особенными. У меня есть подруга, она учится в Токио по обмену. Она помогла мне. Я вовсе не хотела, чтобы все так получилось...

Нина оставила стакан в покое и нервно уперлась ладонями в столешницу. Генри и сам не заметил, как протянул руку и накрыл ее холодной ладонью своей.

– Успокойся, Нина, я тебя пойму. Я был там, я был на Синтаре два года назад.

– И вы тоже чувствовали это? – она подняла голову, в огромных от страха глазах заблестели слезы. – Я ведь на самом деле никогда до конца не верила в привидений. А там... – ее голос упал до дрожащего шепота, – там что-то есть, на острове. Оно такое страшное.... Оно убьет меня!

Она была в отчаянии. Генри устало откинулся на спинку стула и еще раз всмотрелся в ссутулившуюся напротив фигуру. Пугающая клякса за ее спиной уже исчезла, но все равно оставалось ощущение, будто свет меркнет рядом с девочкой. А еще чувствовал присутствие мертвых вокруг, но отчего-то сегодня они не показывались ему.

- Что это было? О чем ты говоришь? Ты можешь описать поточнее?

Она покачала головой.

- Я ничего не видела. Но это и не нужно было видеть. Оно как будто следит за тобой.

- Никто не убьет тебя, Нина. Если это просто призрак, тебе нечего бояться. Мертвым по большому счету нет дела до живых. Мы в двух разных мирах.

Она приоткрыла рот, вслушиваясь в его слова, как в откровение.

И тут снова зазвонил телефон. И, взглянув на номер, а следом – на циферблат наручных часов, пришел в ужас.

- Прости, мне нужно ответить.

Он поднес телефон к уху, но вместо голоса Кейт услышал короткие гудки. Они же были ему ответом и в следующие несколько попыток дозвониться до подруги. Начало третьего – обеденный перерыв в частной клинике, где та работала, уже прошел.

Нина тоже заторопилась домой, и они договорились встретиться на следующий день, чтобы попытаться понять, что делать дальше. Напоследок обменялись номерами.

Домой же Генри вернулся с тяжелым сердцем. До прихода Кейт со смены оставалось три часа или около того, и вернется она в дурном настроении. Генри виноват перед ней, знал это и был готов понести наказание, ведь Кейт не заслужила такого отношения. Иногда Генри казалось, что она не заслуживает такого бездарного мужчины, как он, а он, в свою очередь, не достоин такой замечательной женщины, как она. Но выбор уже был сделан, и никто из них пока не готов его изменить.

Появление в его жизни Нины стало настоящим подарком судьбы, будто стена, о которую он все это время бился, дала трещину, и сквозь нее хлынул спасительный кислород. Генри смог глубоко вдохнуть, и от этого в груди болезненно и вместе с тем сладко заныло в предвкушении новых опасных тайн. Они нужны ему, чтобы чувствовать себя живым.

Такого не происходило с ним с тех пор, как пришло первое письмо на сайт. В нем аноним говорил о пробудившемся зле острова Синтар. Долгое время Генри преследовали одни неудачи, но теперь он чувствовал себя полным сил. Осталось только разобраться с текущими проблемами, точнее, пока с одной единственной.

К приходу Кейт он заказал суши из знакомого суши-бара и красиво сервировал на столе. Сердце тревожно колотилось, но едва ли бы Макалистер смог ответить, что именно послужило тому причиной. Он хотел сделать как лучше, но в момент, когда отворилась входная дверь, он начал подозревать, что снова ошибся.

– Я вернулась, – оповестила Кейт. Ее шаги отозвались в теле нервной дрожью. Он боялся?

– Кейт! – Генри вышел к ней с самым раскаянным видом, который только можно представить. – Кейт, прости меня, пожалуйста, я просто...

Девушка молча повесила плащ на вешалку и повернулась к накрытому столу. Ее мрачное лицо ничуть не поменялось, но у Генри внутри все оборвалось. Он видел в ее потемневших глазах обиду и разочарование. А теперь к ним прибавился еще и гнев.

– Кейт, – голос Генри все-таки дрогнул. – Что с твоими волосами?

Она тряхнула короткими прядями:

– Что, не нравится? Теперь я больше не похожа на него?

И с этими словами Кейт прошла мимо и поднялась на второй этаж. Наверху громко хлопнула дверь их общей спальни.

Генри снова все испортил.

Иногда ему казалось, что он все-таки умер в подземелье под Академией. И он не смотрел из окна дома на тающее в сумерках кладбище, а его душа смотрела оттуда на горящие окна, полные жизни. Говорят, такое бывает. Человек вроде и жив снаружи, а внутри – прах и тлен. Он ходит и говорит, ложится спать вечером и просыпается утром, он общается с другими людьми, позволяет себя любить и ухаживать за собой. Но все это – один большой обман, обман самих себя. Ведь для него уже все кончено. Генри пытался создать для себя нормальную жизнь, ту, о которой мечтал, однако его словно прокляли. Его плоть подчинялась новым правилам, в то время как дух стремился куда-то прочь, за океан, а мо-

жет быть, даже дальше. Он просто хотел найти свое место, если оно вообще где-нибудь существовало.

И сегодня Генри, наконец, понял, что оно точно не здесь.

Кейт не выходила из спальни. Он слышал через дверь, что она плакала, поэтому не нашел в себе сил зайти и сказать то, что надумал. Только поздним вечером он зашел за сменными вещами, чтобы принять душ. Кейт сидела на постели, зябко кутаясь в синий халатик. Тонкий шелк наверняка больше холодила, чем грел, и Генри стало ее жаль.

– Кейт, – он сел рядом и неловко погладил ее по плечу. – Мне жаль.

– Жаль... – отозвалась она печальным эхом и ниже склонила голову. Короткие каштановые прядки открывали тонкую, молочно-белую шею. Генри почти решился, как вдруг Кейт выпрямилась, шелк стек с плеч, открывая взгляду узкие белые плечи и острые ключицы в кружевном вырезе сорочки. Она улыбнулась дрожащими губами и вдруг погладила его по щеке. Генри перехватил ее запястье:

– Кейт, нам нужно поговорить. Это важно, послушай, пожалуйста. Я думаю, что нам...

– Обязательно поговорим, – протянула она томно. В неверном свете ночника казалось, что ее глаза блестят как драгоценные камни. Кейт дернулась, но Генри держал ее руку крепко. – Позже.

Ее поцелуй спутал все планы. Через него Генри будто попробовал на вкус горечь своих еще не сказанных слов. Как давно они не были близки? Неделю? Две? Возможно, даже месяц. Тело отзывалось на горячие прикосновения вопреки голосу рассудка и принятому решению. Разве что только в последний раз, как искупление за все, через что он заставил ее пройти. Генри ответил на этот отчаянный соленый поцелуй...

На следующий день позвонила Нина. Кейт ушла на работу раньше обычного, Генри проснулся в пустом доме, вместо привычного завтрака в холодильнике – нетронутые с вечера суши. А ведь он так и не смог сказать то, что собирался, вместо этого поддался соблазну, как мальчишка, и это было вдвойне унижительно, потому что отдавало жалостью. Он провел ночь с Кейт, потому что пожалел ее, это отвратительно.

– Мистер Макалистер, – голос Нины по телефону казался хриплым и взволнованным. – Давайте встретимся как мож-

но скорее. Мне кажется, я получила послание. Оно для вас, мистер Макалистер. О вашем друге.

– Друге? – Генри удивился.

– Да. Я не могу сейчас говорить. Где нам лучше встретиться? Только там, где людей поменьше.

Генри подошел к окну и отодвинул штору.

– Я приеду, скажи, где ты живешь.

– Нет, - ответ звучал категорично. – Лучше я к вам. Пожалуйста.

Генри не хотелось ждать ни одной лишней минуты, но Нина очень просила.

– Ладно. Кладбище Плашет знаешь? Я живу напротив. Давай там. Много тебе нужно времени?

Нина замолчала ненадолго.

– От школы Святого Эдуарда доберусь минут за сорок.

Генри немедленно собрался и вышел из дома. Погода будто специально подстроилась под его планы, и мелкая, почти осенняя изморозь скрывала очертания пейзажа и неприятно холодила лицо. Генри раскрыл зонт и не спеша побрел между рядов одинаковых могильных плит. По идее, стоило дожидаться Нину у ворот, чтобы не разминуться, но Генри пришел раньше и не мог отказать себе в удовольствии пройтись в сторону старой части кладбища, где всегда было тихо, спокойно, уютно. Морось оседала на граните, на слепых глазах скорбящих ангелов дождь застывал невыплаканными слезами. Генри остановился возле одной из могил и на пару минут опустил зонтик. Вода плотной пленкой окутала лицо, ресницы намокли и слиплись, вечно торчащая вверх челка отяжелела и упала на глаза сырыми потемневшими прядями.

– Чего тебе надо?

Призрак молодой женщины, замерший позади надгробия, поднес прозрачный палец к губам и, медленно тая в серой вуали дождя, указала рукой влево. Генри проследил направление, но не увидел ничего. В той стороне, кажется, был Собачий остров или что-то вроде того. Генри это направление ни о чем не говорило.

Макалистер вернулся к воротам, но Нина еще не появилась. Он посмотрел на часы – прошло сорок минут, она уже должна была подойти. Район школы Святого Эдуарда ему знаком, дорога и впрямь могла быть долгой, если не повезет со светофорами или образуется пробка, поэтому он решил

ждать столько, сколько придется. На душе было муторно и тревожно, в голове роились не оформившиеся подозрения и предчувствия. Макалистер снова проверил время – прошел час и двадцать минут. Если Нина не появится через полчаса, придется ее искать.

Через десять минут он достал телефон и набрал последний входящий номер. После серии длинных гудков мужской голос ответил, назвавшись полицейским, и Генри понял, что снова опоздал.

Снова оказаться дома удалось лишь под самый вечер после нескольких неприятных часов в отделении полиции. Однако Генри не волновался об этом. Третий раз за последние пару месяцев он проходил свидетелем по делу об убийстве, но что странно, всякий раз его отпускали гораздо раньше, чем он сам бы сделал это на их месте. К тому же, больше его не трогали, будто разом убедившись в его непричастности. Разумеется, полицейским просто хотелось остановиться на версии с самоубийством, так было проще, и все на это указывало.

Первой была студентка из Испании – вскрыла вены.

Парень из Техаса – бросился под поезд.

Парапсихолог из Лондона - повесился.

Но были еще трое. Парнишка из Кембриджа, бывший наркоман из Стаффорда и студентка Рита Волкер, которая сбросилась с крыши за сутки до приезда Генри. Рита бежала от чего-то, меняла укрытия, города и графства прежде, чем Генри, наконец, отыскал ее. К сожалению, поздно.

А теперь и Нина утопилась в ванне.

Она была подарком судьбы, сама нашла его и хотела предупредить о чем-то. Сообщение? Что она хотела ему сообщить? Неужели она говорила о Сорате? Жаль, что иногда смерть все же становилась непреодолимым препятствием.

Генри разулся и положил ключи в вазочку в прихожей. В доме было темно и тихо, только мерно гудел холодильник и зеленой точкой горел индикатор на микроволновке. Скорее всего, Кейт не дождалась и ушла спать. На телефоне не было пропущенных, значит, она даже не стала ему звонить. Почему-то сей факт опечалил Генри. Он прошел в зону кухни – съемная квартира, хоть и в двух уровнях, все же была тесновата – и налил себе холодного сока из холодильника. Кислый апельсин щипал язык, но Генри пил, наверное, из чистого, ничем не оправданного упрямства. Потом загля-

нул в пару шкафчиков и отыскал ее, непочатую бутылку хорошего шотландского виски.

Виски пошло лучше, по телу разлилось долгожданное тепло. На лестнице послышались шаги, и сонная Кейт в накинутом на плечи халате перегнулась через перила:

– Вернулся. Не стану спрашивать, где ты пропадал.

Она пригладила взъерошенные, непривычно короткие пряди, и обняла себя за плечи.

– В полиции. Давал показания по делу о самоубийстве.

– Опять? Генри, – Кейт устало вздохнула, – когда тебе надоест это? У тебя есть нормальная человеческая жизнь, есть дом, есть я. Зачем тебе все портить?

– Нормальная? – Генри покрутил в руке стакан и одним глотком допил содержимое. – Но ведь я ненормальный, и ты это знаешь. Ты приняла меня таким, со страхами и призраками, с чувством вины и вечным сожалением. Ведь так, Кейт?

Он мечтал бы выпить сейчас, но не мог, это было бы слишком легко.

– Призрак – это ты сам, Генри! – Кейт вцепилась в перила побелевшими пальцами. – Пока ты будешь тянуться к ним, они будут тянуться к тебе, неужели ты не в состоянии этого понять? А ты... Ты живой!

– Здесь – нет.

Макалистер прижал ладонь к груди и улыбнулся. Нет, он не был пьян, как, видимо, показалось Кейт. Алкоголь лишь помог ему сказать то, о чем он постоянно думал, только и всего.

– Ты меня любишь? – вдруг негромко спросила Кейт. Генри не смог ответить сразу, а резкая трель телефонного звонка и вовсе лишила его этой возможности. Кейт отпрянула от перил и убежала наверх.

– Макалистер слушает, – Генри подошел к телефону и снял трубку. – Кто это?

– Это Курихара, – слышался с той стороны знакомый голос. – Есть срочный разговор, Макалистер. Это не займет много времени.

– Курихара? Это ты, Хибики! – Генри едва не выронил трубку. – Все нормально, я тебя слушаю.

– Я счастлив. Днем никто не подходил к телефону, а недавно ответила женщина и сказала, что вас нет. Я не стал ей говорить, что дело касается Сораты.

– Меня правда не было, – отмахнулся Генри. Он не знал, радоваться или пугаться этому звонку. – Как он? Подожди, что-то случилось?

Следовало подумать об этом сразу. Они с Хибики не поддерживали никакой связи, и вот он звонит среди ночи.

– Я не знаю, – ответил Хибики неожиданно растерянно. – Просто приезжайте, как можно скорее. Вы нужны ему. Только вы можете ему помочь.

Генри положил трубку и поднялся к себе в кабинет. Тесное помещение с креслом, столом и узким книжным шкафом было его прибежищем, личной территорией, где он мог побыть наедине с собой. Его окно тоже выходило на кладбище, и Генри стоял и смотрел с высоты второго этажа на темнеющее скорбное поле могил. То тут, то там вспыхивали огоньки, и особым зрением Генри видел, как одна за другой возникали белесые фигуры и смотрели на него мертвыми глазами. Потом они в едином жесте поднесли палец к губам и указали на восток. Теперь Генри точно это знал. Ему нужно было туда, нужно было на восток.

– Кейт! – он вбежал в спальню и бросился к шкафу. Девушка недовольно повернулась, жмурясь от яркого света.

– Что стряслось? – она сердито откинула одеяло и села. – Конец света? Потоп?

– Я улетаю, – Генри выпрямился и посмотрел на подругу. – Утренним рейсом я улетаю в Токио. Прости.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ.

**в которой возвращаться оказывается тяжелее,
чем уходить**

*Видели всё на свете
Мои глаза – и вернулись
К вам, белые хризантемы.
(Иссё Косуги)*

«Доверие трудно заслужить, но очень легко потерять. Я думал, что не смогу больше довериться человеку, принесшему мне столько боли. Только не сразу понял, что этим человеком оказался не ты, а я сам».

(Из дневников Кимуры Сораты, сентябрь, 2014 г.)

Самолет летел над Россией, и Генри размышлял о том, как на самом деле мало разделяло их Соратой физически, и как много преград они создали для себя сами. Генри скучал. Он мечтал посмотреть в эти темные задумчивые глаза и увидеть в них прощение. Пожалуй, этого Макалистер хотел больше всего.

За четырнадцать с половиной часов полета он даже умудрился немного подремать и проснулся незадолго до объявления посадки. Прошлый подобный перелет ему почему-то мало запомнился, хотя на такое расстояние он тогда путешествовал впервые. Вместе с холодком в желудке, вызванным стрессом от полета, Генри вдруг испытал настоящий ужас от того, что придет к Сорате без приглашения спустя целых два года. Он точно его выставит. Даже на порог не пустит, это в том случае, если Генри вообще удастся его отыскать.

Дальше все было как во сне. Кафе в аэропорту, пролитый на брюки кофе – в точности, как в прошлый раз. Схема железнодорожных веток, разумеется, на японском. Генри купил жетон на лимитированный экспресс, занял место в идеально чистом светлом вагоне. Люди рядом выглядели чужими, занятыми собой, но вместе с тем неуловимо доброжелательными. А еще вокруг было очень много душ, но даже они не казались опасными. Еще полтора часа в дороге, и Генри ступил на землю города Киото, культурной столицы Япо-

нии. Что делать дальше, он решительно не представлял. Город жил своей жизнью, все куда-то спешили, но в сравнении с шумной Осакой, здесь было относительно тихо, даже уютно. Меньше стеклянных высоток, больше чего-то неуловимо духовного. Автобус провозил Генри мимо красивых храмов, аккуратных домиков с бансями за забором. То тут, то там виднелись традиционные изогнутые крыши.

Хибики не назвал точного адреса, потому что его как такового и не было. Все, что знал Генри – район Камигамо, вдоль реки Камо-гава, за мостом недалеко от Ботанического сада Киото. Слишком мало, чтобы чувствовать себя уверенно. В итоге пришлось нанять поразительно дорогое такси и назвать фамилию Кимуры. Каково же было удивление, когда таксист, молодой японец с жестокой взъерошенной шевелюрой, понимающе заулыбался и закивал головой. В тот же момент Генри стало дурно, жарко и страшно при мысли, что через каких-то полчаса он окажется перед воротами дома Сораты. Незванный гость.

Из-за высокого каменного забора почти ничего не было видно, лишь макушки сосен и традиционный вычурный конек крыши где-то в глубине сада. Рядом с металлическими двустворчатыми воротами висела табличка с иероглифами – Кимура. Эти знаки Генри запомнил хорошо. Кнопка домофона поддалась не сразу, палец соскользнул, и Генри громко выругался. После пары гудков из динамика послышался мужской голос.

– Добрый день, – поприветствовал Генри, с каждой секундой погружаясь все глубже в собственные страхи и неуверенность. – Мне нужно увидеть Кимуру Сорату. Я его друг.

– Как ваше имя?

– Генри Макалистер. Я его друг.

– Вас ожидают?

Вопрос застал Генри врасплох. Он вытер свободную руку о штаны, ладони вспотели от напряжения:

– Нет. Но если вы доложите обо мне, Сората непременно...

– Господин Кимура не принимает гостей.

Связь оборвалась.

Генри казалось, что он смотрел на мигающую точку домофона целую вечность, пока не решился на повторный звонок. Ему не ответили, но очень скоро с той стороны забора послышалось какое-то шевеление, с тихим жужжанием ворота начали медленно открываться.

– Макалистер-сан? – невысокий крепко сбитый мужчина поприветствовал его поклоном. – Прошу вас следовать за мной.

Генри не стал ни о чем спрашивать охранника, но подобная встреча заставила его удивиться. Он, конечно, не раз слышал о мифическом богатстве и известности Кимуры, но впервые выпал шанс увидеть все собственными глазами.

За воротами начиналась подъездная асфальтовая дорожка, по обе стороны от которой расстился японский сад. Она упиралась в ступени крыльца, а сам дом представлял из себя невероятно органичный сплав основного здания в типично европейском стиле и расходящихся от него японских пристроек, соединенных между собой крытыми галереями. Волны вздернутых крыш темнели на солнце, утопая в зелени близко подступающего сада. Казалось, стоит только прислушаться, и услышишь тонкий нежный напев бамбуковой флейты и отзывающуюся на нее трель соловья. Генри замер, пораженный и угнетенный этой роскошной красотой чужого мира.

– Прошу за мной, господин Макалистер, – будто специально, охранник заговорил на английском, достаточно хорошо, чтобы быть понятным, но Генри все равно внутренне передернулся.

– А Кимура...

– Я доложу о вас господину. Идемте.

Таинственность, которая вдруг начала окружать Сорату, Генри не понравилась. Он позволил забрать свой чемодан и проследовал вслед за японцем вглубь сада, туда, где слух безошибочно угадывал звуки льющейся воды. Что же, выходит, Сората уже знал, что он здесь, наверняка, ему уже доложили, и эта мысль делала ноги ватными, а голову пустой. Дорожка петляла, как змея, и в итоге привела Макалистера к аккуратной круглой беседке с красной черепицей на тонких опорах. Перед беседкой, почти как в Академии, был маленький водоемчик с гладкими, отполированными камнями, возле крутого мосточка стояли кадки с карликовыми соснами, а на голубой поверхности воды цвели незнакомые Генри крупные розовые и белые цветы. Пахло свежестью и вместе с тем одуряющей сладостью. Сорате должно здесь очень нравиться.

Генри опустился на низкую скамейку и запустил пальцы в волосы.

– Вот черт! – он резко выпрямился и ударил себя по колену. Ожидание лишало последних сил. Он уже начал сомневаться, что поступил верно, бросив все и прилетев на край света, подчиняясь туманным намекам мертвецов и зову своей интуиции, которая всегда оказывалась в тупике, когда дело казалось единственным в его жизни другом. Вода лилась в искусственно созданном водопаде, нарушая идиллистическую тишину. Генри низко наклонил голову, комкая пальцами ткань брюк. Внезапно новый звук пробился сквозь ставшее привычным веселое журчание. Голоса. Генри вскочил, напряженно прислушиваясь, но более ничего не услышал. Впрочем, все равно не остался на месте и, перебравшись в два шага через горбатый мостик, вышел на тропинку, что привела его от ворот сюда.

Перед ним было додзё. Генри узнал это место по картинкам и азиатским фильмам. Небольшое одноэтажное строение на высоком фундаменте, с изогнутой крышей, широкие ступени вели к раздвижной двери-сёдзи, сейчас открытой. У входа стояло две пары обуви, и Макалистер поспешно отскочил в тень деревьев, когда из додзё стремительно вышел человек. Несмотря на непривычную еще прическу, традиционные кимоно и хакаму и раскрасневшееся потное лицо, Генри просто не мог не узнать Сорату, пожалуй, он бы сделал это даже с закрытыми глазами. Кимура быстро влез в обувь и пошел прочь, прихрамывая почти так же, как в их первую встречу. Хотя, вроде бы, давно отучился от этого. У Генри потеплело в груди. Он сделал шаг вперед и позвал:

– Сората!

Кимура остановился так резко, что, наверное, едва не упал. Выпрямился неестественно, будто его ударили в спину. Генри ждал, больше не решаясь сделать и шага.

– Генри? – проронил, наконец, Сората и медленно развернулся. – Этого не может быть.

Его лицо, вмиг побледневшее, не выражало ни радости, ни огорчения, только глаза из-под сырой спутанной челки смотрели настороженно и немного напугано. Он был похож на птичку, боящуюся поверить, что клетка открыта. И Генри смотрел на него, выискивая ответ на свои ожидания и страхи в знакомых чертах, смазанных налетом скопившейся усталости. В ушах грохотала кровь, к горлу от волнения подкатила тошнота.

– Генри?

Макалистер кивнул и все-таки двинулся навстречу. Это оказалось легче, чем он думал, ноги сами несли его, хотя страх никуда не делся. Напротив, он разрастался подобно лавине, становился все больше и глубже, чем ближе к Сорате был Генри. Невыносимое чувство, пропасть под ногами, в которую так хотелось упасть, чтобы избавиться от мучений.

– Это я, – одними губами ответил он, но даже не заметил, как тихо прозвучал его голос. – Это я, Генри. Привет.

– Мой Генри? – Сората склонил голову к плечу. Он не верил, словно что-то в нем противилось этому. Словно он запретил себе в это верить. – Но... откуда?

Его взгляд беспомощно метнулся Генри за спину, потом обратно, несмело скользя по его лицу.

Макалистер был слишком близко, чтобы не протянуть руку и не коснуться друга. Он так и поступил, но пальцы поймали лишь воздух – Сората отшатнулся, обнимая себя за плечи. Стали видны запястья и кисти со свежими ссадинами, еще кровоточащими. Будто заметив это, Сората поспешно опустил руки.

Генри больше не мог на это смотреть. Он схватил Сорату за плечи и чуть встряхнул. К горлу подкатил ком, и, чтобы не дать ему прорваться, быстро заговорил:

– Прости, что без предупреждения, но... Я должен был вернуться, Сората. Я должен был вернуться, потому что это моя судьба. Мне вообще не следовало тебя оставлять, потому что поодиночке нам не справиться с этой жизнью. Понимаешь? Я гнал эти мысли прочь, но духи мне подсказали, указали верный путь. Мне кажется, тебе угрожает опасность. Я... я просто хотел убедиться, что ты в порядке. Но ты не в порядке.

Вывалив все это, он замолчал, жалея о своих словах и радуясь, что смог их произнести. Даже если сейчас ему укажут на дверь, он будет бороться. Пожалуй, эта уверенность сделала его счастливым.

– Генри, – повторил Сората. – Какая опасность? Кто тебе такое сказал...

Он вдруг покачнулся и начал медленно оседать на землю.

– Сората! Черт, Сората! – Генри подхватил обмякшее тело, почти не ощущая его веса. Из лица Кимуры окончательно ушли все краски, черные тени под глазами обозначились ярче. С приоткрытых посиневших губ едва-едва срывалось неровное дыхание. А еще он казался до ужаса холодным.

– Макалистер, не стойте столбом. Нужно отнести его в дом и согреть.

Курихара тоже вышел из додзё и без приветствий принялся отдавать распоряжения. Удивленным он точно не выглядел. Прямо встретил взгляд Генри, но даже не улыбнулся в знак узнавания:

– Слышали? Несите.

Генри собрался взять Сорату на руки, но тот внезапно воспротивился. Ледяные ладони уперлись Генри в грудь.

– Не... надо. Я сам.

Но он выглядел таким слабым, что его словам не было веры. Кроме того, его начало трясти в ознобе, так что зубы застучали друг о друга. Генри охватила паника.

– Что с ним, Хибики?

Парень остановился рядом и со странным выражением посмотрел на Кимуру.

– Ему нужно тепло, Макалистер. Разве вы не за этим прилетели?

Семейный врач закончил довольно быстро. Пожилой японец с такими узкими глазами, что даже круглые очки с толстыми линзами не спасали положение, что-то негромко сказал Курихаре и ушел. Сората лежал на кушетке в маленькой светлой гостиной, оформленной под английский салон. Золотисто-бежевые обои с королевскими лилиями, белоснежный потолок, блестящий паркет, дорогая мебель и белый рояль возле выхода на застекленную террасу с плетеной мебелью и горшками с экзотическими цветами. И посреди этого утонченного великолепия – слабо и хрипло дышащий Сората, по самый нос закутанный в белый мохнатый плед и обложенный декоративными подушками.

– Так в этом причина твоего звонка?

Макалистер поднялся из кресла и подошел к Курихаре. Юноша кивнул:

– Как всегда, пронизательно, Макалистер. Я действовал на свой страх и риск, но вы же видите, как ему плохо.

– Вижу, – не мог не согласиться Генри. – Только его здоровье никак не связано со мной. Я не врач и не волшебник. Я не могу ничего поделать, даже не понимаю, что с ним.

Курихара облокотился о крышку рояля и сунул руки в карманы. За два минувших года он еще вытянулся, стал шире в плечах, взрослее и увереннее. Подростковая насторожен-

ность и озлобленность на мир превратилась в неоспоримую мужскую привлекательность.

– Нет, тут вы ошибаетесь, Макалистер. Ему можете помочь только вы, – Хибики вдруг выпрямился и, оказавшись с Генри лицом к лицу, лишь чуть приподняв подбородок, жестко сказал. – Я чувствую, что лишь вы поймете суть проблемы. Она лежит где-то в иной плоскости, куда всем нам путь закрыт. Понимаете?

Генри медленно кивнул, оглянувшись на Сорату. Тот уже спал, беспокойно, но все же сон должен пойти ему на пользу. Солнце светило в окна, и кушетка утопала в теплых желтых лучах.

– Что говорит врач?

Хибики передернул плечами:

– Одно и то же. Хроническая усталость, помноженная на малокровие. Рекомендации – сон, покой, обильная еда. Но я уверен, что это лишь самая верхушка, вы же понимаете, о чем я. Это происходит с ним не просто так, должна быть причина, и увидеть ее можете только вы.

Генри снова бросил взгляд на Кимуру. Тот беспокойно вздрагивал всем телом и вновь замирал, как будто видел страшный сон.

– Еще кое-что, Макалистер.

Генри обернулся, но Курихара тоже смотрел на Сорату. Его профиль был идеален и столь же идеально строен.

– Если есть что сказать – говорите сейчас, потом может быть поздно.

С этими словами он прошел мимо и покинул гостиную, оставив их наедине. И Генри показалось, что он почти физически ощущает окутывающие его тоску и боль. Хибики знал, что говорил, потому что сам слишком многого не успел сказать Сэму. А Генри еще мог не повторить его ошибок.

Сората застонал во сне и пробормотал что-то неразборчиво, точно оправдываясь. Генри отбросил грустные мысли, присел рядом прямо на полу, подложив подушку. И почти уже задремал, как почувствовал, что в комнате они не одни. Обычное зрение ничего не дало, но Генри ощущал постороннее присутствие, точнее сказать, потустороннее. Ему даже чудилось дыхание, как если бы рядом стоял человек. Но скоро это чувство ушло, они снова остались одни, и Сората беспокойно заворочался.

– Что? – Генри склонился над ним, пытаясь разобрать слова. – Что, Сора? Что мне сделать?

– Не уходи! – вдруг вскрикнул Кимура и резко распахнул глаза. Сначала в них не было ничего, только сонный дурман, потом промелькнуло узнавание и... стыд.

– Прошу прощения, – он поморщился и, выпростав руку из-под пледа, потер лоб. Бледность покидала его, но все равно Сората выглядел больным. Генри много чего хотел ему сказать, но язык вдруг онемел во рту. Фразы застревали где-то в горле, и каждая из них казалась надуманной и неуместной.

– Ты потерял сознание, – словно бы оправдываясь, сказал он и нехотя выпрямился, присаживаясь в ногах.

– Прошу прощения, – повторил Сората и прикрыл глаза ладонью. Только вот Генри хотел услышать не это, еще не знал, что именно, но точно не это. – Это была трагическая случайность.

– Ага, конечно, – не сдержал Генри здорового скепсиса. – Ты понимаешь, почему я прилетел?

Сората посмотрел, наконец, ему в глаза:

– Разумеется, нет. Я вообще не знал... даже предположить не мог...

Он замолчал и опустил взгляд. На все еще бледных щеках проступили яркие пятна болезненного румянца. Ресницы задрожали.

Генри больше не знал, что сказать. Два года прошло, из которых больше половины дней он размышлял, о чем бы они говорили, вновь встретившись. Тогда казалось, что все будет легко и просто, так же, как всегда было между ними. Макалистер чувствовал объединяющую их связь, она была слишком сильна, чтобы порваться столь быстро, однако сейчас он почему-то ощущал пустоту в груди, огромную черную пустоту, которую нечем было заполнить. Он мучительно размышлял, отбрасывая слова и мысли и тут же находя новые, которые также не покидали его уст. Это было очень страшно.

– Генри...

– Сора...

Они вдруг начали говорить одновременно, и оба же замолчали, уступая первенство. Получилось глупо и неловко.

– Я хотел сказать...

– Я рад...

Сората поднес ладонь ко рту и хихикнул, совсем как раньше. Генри вздохнул и улыбнулся облегченно:

– Давай все-таки ты первый.

Кимура кивнул и, мгновенно вернув себе серьезность, сказал:

– Генри, я рад, что ты прилетел. Жаль, что не получилось достойно тебя встретить.

Эхо произнесенных слов повисло в теплом, пахнущем цветами воздухе. Генри казалось, он чувствует его вкус на кончике языка – сладкая горечь. Не то, совсем не то.

– А я хотел сказать, что мне больно видеть тебя таким, Сората. Расскажи, что случилось? Я прилетел, потому что получил предупреждение насчет тебя.

– От Хибики?

– И от него тоже, – Генри задумчиво поворошил густой белый ворс. – Но не только. У меня есть и другие источники, ты знаешь, что я имею в виду.

– Кого, – поправил Сората. – Ты о призраках? Ты еще видишь их?

– Едва ли есть средство, способное мне помочь, – Генри отвернулся к окну, но желание видеть Сорату оказалось сильнее. Он снова посмотрел на друга. – Но мне все нравится. Они мои друзья, в некотором роде. Впрочем, это долгая история, возможно, в другой раз я расскажу ее тебе с самого начала.

Кимура снова широко улыбнулся и вытащил из-под одеяла вторую руку, чтобы невзначай коснуться Генри:

– В другой раз – это звучит обнадеживающе. Я буду очень ждать его. – Он дождался, когда в гостиную войдет женщина в костюме горничной, и распорядился. – Кимико-сан, подготовьте комнату для гостей в старом крыле. Ту, что ближе к моим, вы поняли? Макалистер-сан останется погостить. Относитесь к нему, как к почетному гостю. Нет, как к хозяину.

Сората повернулся к Генри и ободряюще кивнул:

– Я хочу, чтобы он ни в чем не нуждался. И, Кимико-сан, распорядитесь, чтобы подготовили все для купания. Для двоих. Свободны.

Следом за служанкой удалился и сам Кимура, пообещав прислать за Генри кого-нибудь минут через тридцать. Молодая девушка с поклоном попросила следовать за собой и привела Макалистера в японскую половину дома. Светлый коридор имел ряд раздвижных дверей-сёдзи, а сквозь тонкую бумагу стен доносились звуки сада.

– Господин здоров? – спросил Генри, когда девушка, опустившись на колени, открыла перед ним одну из дверей. Служанка, кажется, не поняла его, а когда он, опомнившись, повторил вопрос по-японски, только ниже опустила голову. Похоже, прислуга в доме была не из болтливых.

Оставшись в одиночестве, Генри оглядел комнату. По-японски лаконичная и строгая, сквозь бумажные створки сёзди проступали очертания сада. На полу – восемь прямоугольных татами, в углу – низкий столик и стопка тоненьких подушек. Декоративные деревянные панели, стилизованные рисунки на стенах и обязательно – изящная икебана в высокой нише. Генри не смог бы жить в такой комнате долго, его душе ближе был хаос, его уютный тесный кабинетик на втором этаже был раем в сравнении с этим пустым гармоничным пространством. Но эти неудобства легко было преодолеть ради одной лишь возможности разговаривать с Соратой. Да, пожалуй, ему очень не хватало их полуночных разговоров в комендантской или в беседке у задней двери на кухню Академии. Макалистер прикрыл глаза, стремясь ощутить присутствие мертвых, но вместо этого услышал шаги в коридоре.

– Я вхожу! – предупредил незнакомый голос по-английски, и дверь с шорохом отъехала в сторону.

Гость оказался Генри смутно знаком. Высокий, по крайней мере, для японца, серьезный мужчина в очках и строгом костюме, делающем его похожим на среднестатистического офисного работника. Однако нельзя было не отметить явную дороговизну ткани, впрочем, ждатель от личного секретаря Кимуры иного и не приходилось.

– Масамуне Иноске, – представился он. – Я здесь по приказу моего господина.

Обращение отдавало средневековьем, однако многое из того, что было нормально для этой страны, казалось Генри странным и непонятным. Он не был уверен, что сможет прижиться здесь, даже ради Сораты.

– Генри Макалистер, – нашел нужным сообщить Генри. – Очень приятно.

По лицу Масамуне этого совершенно нельзя было сказать. Он окинул Генри строгим взглядом:

– Господин велел убедиться, что вас хорошо устроили.

– А почему он сам не зашел?

Генри это совершенно по-детски задело, хотя он понимал, что вопрос не тактичный.

– Господин занят важной работой, – наконец-то на лице секретаря появились чувства. Генри расценил их как гордое презрение. – Ведение бизнеса отнимает много сил и времени, господин трудится, как и положено продолжателю рода Кимура. Если вас все устраивает, я доложу, что вы скоро придете в купальню. Аями вас ответит.

Из-за спины Масамуне робко выглянула та самая девушка и с поклоном положила перед Генри чистую одежду. Выходило, что разговор на этом окончен, однако Генри еще не все узнал.

– Я прилетел, потому что Сорате угрожает опасность. За чем ему врач? Он болен? Насколько это серьезно?

Секретарь раздосадовано поправил очки на переносице:

– Мы в состоянии обеспечить безопасность господина Кимуры и позаботиться о его здоровье. И прошу вас, не беспокойте его по пустякам. Ваше присутствие...

– Излишне? – предположил Генри и, похоже, не ошибся.

– Вы кажетесь умным человеком, – невозмутимоотреагировал Масамуне. – Прошу меня простить, дела требуют моего участия.

Он ушел, а ощущение, будто указали на дверь, осталось. Все в этом доме что-то скрывали, в том числе и сам Кимура.

Когда спустя тридцать минут служанка по имени Аями проводила Макалистера в местную баню, Сораты там не оказалось. Он не пришел.

Горячая вода обожгла непривычное к подобным температурам тело. Генри погрузился в деревянную ванну по грудь, ощущая, как учащается сердцебиение и бежит по венам кровь. Густой пар плыл по помещению, пряно пахло маслами и травами, добавленными в воду. Аями стояла за спиной, и ее руки массировали уставшие плечи и спину. Генри размяк и расслабился. Невесомые прикосновения пальцев приносили отдохновение. Только были эти пальцы слишком уж холодными, хотя горячий пар согрел бы и мертвого. Ногти пробегались по шее, захватили прядь волос на затылке и игриво дернули. Послышался шорох отодвигаемой двери, Генри вздрогнул и увидел, что перед ним вырисовывается из мутной пелены хрупкая фигурка в традиционном кимоно. Плечи сдавило с невероятной силой. Генри дернулся, но давление только усилилось, он погружался в кипяток, сердце бешено заколотилось, не справляясь с температурой почти в сорок пять градусов.

Аями вскрикнула и уронила полотенца, которые несла.

Генри схватился за края офуро, и в тот же миг все прекратилось.

– Господин! Господин! – запричитала насмерть перепуганная девушка. – Вы в порядке, господин?

Генри вылез из ванны, не смущаясь своей наготы. Кожа горела, будто он действительно побывал в кипятке. В некоторых местах вздулись болезненные волдыри.

– Господин! – Аями бросилась ему наперерез и упала на колени. – Простите меня, господин! Я не уследила...

Она распласталась на мокром полу, сотрясаясь от рыданий, но ее вины в случившемся не было и быть не могло. Генри слишком расслабился, совсем забыл, что в любом, даже самом безлюдном месте есть те, кого обычные люди не видят. Пообещав ничего не рассказывать Сорате, Генри вернулся в свою комнату и попытался вспомнить свои ощущения. Руки были мужскими, теперь он точно в этом уверен, хотя поначалу решил, что это Аями. У призрака были весьма материальные прикосновения, так что едва ли этот человек умер давно, либо его желание связаться с миром живых слишком крепко привязало к земле.

Генри не пробыл в этом доме и дня, как чей-то призрак уже пытался утопить его в ванне с горячей водой. И на это не было ни единой причины.

После неудачного купания Макалистер решил пройтись по дому, полагая, что статус гостя хозяина ему это позволяет. Однако ни Сораты, ни Курихары, ни даже Масамуне он не нашел, а слуги либо не отвечали на вопросы, либо давали лаконичные, но слишком обтекаемые ответы. Аями, с красными от недавних рыданий глазами, сообщила, что ужин будет через четверть часа.

– А Кимура? Он будет ужинать?

– Господин еще не вернулся из города, – пролепетала девушка, ниже наклоняя голову.

Макалистер нахмурился:

– Во сколько же он обычно возвращается? Что он там вообще забыл?

Аями, видимо, все еще чувствовала себя виноватой и была не такой молчаливой:

– По-разному. Иногда остается ночевать в городе, особенно, если приходится работать допоздна.

Генри бы непременно воспользовался ситуацией и узнал побольше, однако девушку позвали на кухню. Макалистер решил отказаться от ужина, было кое-что, что непременно должен сделать.

Когда Сората вошел в комнату, Генри уже ждал его там, едва подавляя в себе желание немедленно вскочить ему навстречу. Было так темно, что его фигура наверняка терялась в тени, и Сората его не заметил. Не зажигая света, он скинул пиджак и расслабил узел узкого галстука. Генри и сам едва видел его, но угадывал движения. Вот Сората протягивает руку к выключателю, и яркая вспышка ослепляет обоих.

– Генри! – Сората отпрянул и прижал ладонь к груди. – Что ты здесь делаешь?!

Макалистер поднялся с футона и теперь возвышался над Кимурой. Но вместо ощущения власти он испытывал лишь жалость.

– Ты отвратительно выглядишь, Сора.

– А ты сидишь в моей спальне с выключенным светом, – парировал Сората нервно. – Это не слишком воспитанно, не считаешь? Я могу подумать, что ты на что-то намекаешь.

Генри решил проигнорировать явную подколку.

– Сегодня на меня напал призрак мужчины. Не знаешь случайно, кто это мог быть?

Сората побледнел еще сильнее, хотя и до этих слов почти сливался с белоснежной тканью рубашки. Его пальцы безостановочно двигались, теребили кончик галстука, сжимались в кулаки и снова разжимались. Если бы не новая стрижка, начал бы дергать себя за хвост, но хвоста не было, только короткая черная шапка волос с густой челкой. С ней он действительно походил на подростка больше, чем два года назад на него походил Хибики, но под глазами залегли глубокие тени, а лучики морщинок в уголках стали заметнее. Время ли беспощадно к Кимуре, или он сам довел себя до такого состояния, это Генри предстояло узнать. Он хотел увидеть прежнего Сорату, а для этого нужно уничтожить нынешнего.

– Сора, – Макалистер подошел ближе и положил ему ладонь на плечо, чувствуя, как оно напрягается от его прикосновения. – Сора, ты избегаешь меня. Работа хороший повод, но я же вижу правду. Зачем все это?

– Мне приходится много работать, Генри, в любое время дня и ночи, если в этом возникает необходимость. Я зани-

маюсь серьезным бизнесом. Деньги, красивый дом, все это не дается мне легко.

– Я тебе верю. Но это ведь не все. Если бы дело было только в усталости и нехватке чертова гемоглобина, мне не пришлось бы лететь в такую даль, – Генри почти уже умолял. – Я должен знать. Расскажи мне!

– Я не могу объяснить.

– А ты пробовал?

Сората задрожал, будто лист на ветру. Он больше не пытался отстраниться, но внутренне он закрылся как никогда прежде.

– Я не могу объяснить, – повторил Кимура и опустил голову, почти упираясь макушкой Генри в грудь. – Я не понимаю. Мне... холодно. Мне все время так холодно.

Генри почувствовал затылком ледяное дыхание. Кто-то прошел мимо, легко обдав призрачным холодом, и растворился. Тот, кто играл с Макалистером, будто точно знал, что его игра не останется незамеченной.

– Сквозняк, – спохватился Кимура и стремительно обогнул Генри, но его походка была нетвердой, словно он находился под большим давлением, его будто тянуло к земле. Сората остановился возле выхода на террасу. Повинуясь мгновенному порыву, Генри выключил свет. Это послужило для Сораты своеобразным сигналом:

– Давай поговорим на улице.

Они вместе вышли на заднюю террасу, и Сората кивком предложил присесть прямо на голые доски. Сам опустился на колени, а Генри свесил ноги вниз, почти касаясь пальцами земли. Луна едва зарождалась в небе, сияя из-за перистых облаков тонкой подковой месяца.

– Ты замерзнешь.

Сората помотал головой:

– Этого холода я не чувствую. Мой гораздо глубже.

Генри смотрел наверх, пробегая взглядом по извилистой линии, соединяющей макушки вишен с небом. Он боялся, что если посмотрит на Сорату, спугнет его.

– Чем ты занимался все это время, Генри?

Его имя Сората произносил по-особенному, никто больше так не оглушал первую букву, почти превращая ее в “х”. И он тоже не смотрел на Генри, только изучал не небо, а желтую песчаную дорожку под ногами.

– Пытался жить.

– Я тоже. У тебя получилось?

Генри вспомнил повторяющиеся скандалы последних недель и покачал головой:

– Нет.

– А у меня почти получилось.

Генри все же повернул к нему голову:

– Почти?

Так вышло, что Сората сделал то же самое, и их взгляды пересеклись. Сората не отвел своего.

– Нельзя сказать, что у меня все было замечательно. Врать я тебе не буду. Но я наладил свой быт, я заполнил его работой, а это проверенный способ. Опять же я оформил опеку над Хибики, он не даст мне провалиться в темноту окончательно. Но в последнее время я будто тону. Порой мне не хватает воздуха, и я чувствую, как леденею внутри. У этого нет названия, это даже не болезнь в физическом ее смысле. Возможно, я все-таки схожу с ума. Ты прилетел в гости к сумасшедшему, Генри.

– Это неправда! – Макалистер развернулся к нему всем телом, подбирая под себя одну ногу. – Не ты ли говорил, что все мы немного сумасшедшие? И я такой не больше и не меньше тебя. Хочешь знать, почему у меня не вышло устроить свою жизнь после Академии? А ведь меня ждала прекрасная девушка, которая не боялась моих тайн. А потому, что я поселился с ней в доме напротив кладбища. Я отчаянно цеплялся за мир мертвых, в то время как мир живых становился от меня все дальше и дальше. И я даже не заметил, как мы с Кейт оказались на разных берегах. Разве после этого меня нельзя назвать сумасшедшим?

Сората слушал внимательно, а потом расхохотался. Он смеялся и смеялся, громко и заразительно, так, что даже Генри не удержался от беспричинного смеха. Голоса разлетались по саду, их, наверное, слышали всюду и Бог весть что подумали.

– Значит, у тебя есть девушка, Макалистер-сан? – отсмеявшись, с ехидной ухмылкой спросил Сората. Галстук он снял и бросил на доски рядом.

– Это все, что тебя волнует? Правда ли, что у меня есть девушка?

– Просто это не похоже на тебя, – пожал плечами Сората.

– Мне кажется, ты бы скорее завел собаку, чем девушку.

– Ну спасибо, дружище, – оскорбился Генри. – Я тебе это припомню.

Они немного помолчали. Генри начал мерзнуть, несмотря на то, что вроде бы привык к промозглой погоде Англии.

– Но ты ведь так и не сказал, – тихо произнес Генри, – что с тобой творится? Все-таки ты потерял сознание. И не лги про малокровие, это слишком неубедительно.

– А ты все такой же упертый. Я не могу объяснить, потому что не знаю. А ты? О каком предупреждении для меня ты постоянно твердишь?

Генри выложил все как на духу. Что не мог успокоиться и искал через Интернет таких же особенных людей, как он, что большая часть из них фантазеры и мошенники. И что с жадностью следил за всеми новостями из Японии, подспудно надеясь услышать знакомое имя. И самое главное, он рассказал, как с письма от анонимного подписчика начал охоту за медиумами и спиритистами, столкнувшимися на Синтар с чем-то необъяснимым.

– «Зло проснулось» или что-то вроде того, – вспомнил Генри. – Это было в первом письме. А потом один из погибших медиумов написал, что остров уже выбрал себе жертву. Это о Синтар, и думать не надо. И вот перед отлетом я видел знак от духов. Я не мог игнорировать все эти предостережения. Я боюсь, что с тобой может что-то случиться, пока я буду далеко.

– Ничего не случится, – успокоил его Сората и слабо улыбнулся. – Это правда. Мне было плохо. Но возможно теперь, – он мимолетно коснулся руки Генри, – что-нибудь изменится. Скорее всего, к лучшему.

В его взгляде сквозила такая неприкрытая мольба, просьба не продолжать, отложить этот тяжелый разговор хотя бы ненадолго. Генри было непросто быть беспощадным. Он импульсивно сжал ладонь, на которую опирался, и ногти царапнули по дереву.

– Непременно изменится. Я хочу помочь тебе, но вижу, что ты этого не хочешь. Скажи, мне стоит уехать? Просто скажи, да или нет?

– Нет.

Сората ответил прежде, чем успел подумать. Это было очевидно... и приятно.

– Тогда в чем проблема? Снова тайны между нами? Ты мой друг, Сората, возможно, я никогда не говорил, но я так чувствую.

– Зачем ты говоришь мне все это? – Сората уперся ладонями в колени и устало опустил плечи. – Все эти признания, все эти трогательные слова? Ты понимаешь, как мне больно от этого? Я не могу сказать тебе в ответ того же самого. Я... не способен к этому больше.

Один вопрос вертелся у Генри на языке, но он не нашел в себе сил задать его. Быть может, потом. Их разговор ничего не прояснил, но сильно вымотал обоих. У Генри разболелась голова, да и кожа под одеждой зудела от ожогов. Густую синь неба прочертила одинокая падающая звезда. Сората вскинул голову и вдруг улынулся:

– Завтра. Возможно, завтра мне будет проще. Мы вернемся к этому разговору, потому что я больше не хочу тайн от тебя, Генри. Если ты мне все еще веришь, не переставай это делать, пожалуйста.

«Сегодня утром в редакцию нашей газеты поступило известие об очередной экстравагантной выходке досточтимого лорда Уинстона Дж. Малберри, известного также своим богатством и приближенностью к королевской семье, что вовсе не останавливает означенного джентльмена от совершения поистине грандиозных глупостей. На сей раз лорд Малберри купил пустынный остров в Японском море на деньги, которые могли быть использованы для помощи нуждающимся бедных кварталов Лондона. Нашему корреспонденту стало известно, что сей обитаемый клочок суши на самом деле населен призраками и тому есть немало подтверждений, берущих свои истоки из времен седой древности. Дорогие читатели, вы, конечно же, оценили ряд статей нашего издания о призраках дома семьи N, так что слухи о паранормальных явлениях острова Онисэн не оставят вас равнодушными. Возможно ли, что лорд Малберри вслед за многими нашими не менее досточтимыми соотечественниками увлекся спиритизмом, столоверчением и им подобным? Или причина столь необычной и дорогостоящей покупки лежит глубже, среди многочисленных секретов самого эксцентричного и загадочного подданного Британской Короны?»

Япония, являясь торговым партнером Англии, не только продала проклятый остров, но и оказала помощь в организации там британской колонии, тем самым заручившись

поддержкой индустриальных партнеров. Однако вот в чем вопрос – удастся ли лорду Малберри опровергнуть мрачные легенды о нечистой силе, так пугающую жителей далекого восточного архипелага на протяжении многих веков?

В ответ на слухи лорд ответил парой фраз: «Я не верю в глупые сказки, кои способны напугать лишь детей. Я лично докажу, что все это – вздор, а остров – просто клочок земли». Меж тем слухи множатся, обрстая все новыми жуткими подробностями. Наш корреспондент готов и дальше держать читателей в курсе этой загадочной истории»...

(«Буржуа», выпуск от 17 февраля 1887 г.)

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

в которой выясняется, что помощь опоздала

*Скелеты свои
Люди в шелка завернули.
Глядят на цветы.*
(Оницура Камидзима)

«Любовь – страшное чувство. Оно заставляет радоваться смерти одной женщины, освободившей место для другой. Я ничтожество, но ничего не могу с этим поделаться, просто я давно и безнадежно влюблен».
(Из дневников Кимуры Сораты, май, 2013 г.)

Дом дышал. Он оживал ночью, как хищник в преддверии удачной охоты, ветер нежно шелестел бумагой в перегородках и дергал звонкие колокольчики, загадочно скрипели половицы порошков, журчала вода в саду и слышался мерный стук содзу¹.

Сон не шел очень долго. Генри все прислушивался к звукам, сам не зная, что пытаясь уловить. Он слышал каждый звук в доме, легко проникающий сквозь бумажные стены. Но кроме звуков было еще кое-что, что его беспокоило.

– Кто ты? – он резко распахнул глаза, почти как в детстве, когда ночью боишься увидеть склонившееся над тобой чудовище. Над Генри никто не склонялся, но он все равно не мог отделаться от чувства, что в доме не один. На миг даже показалось, будто на створки сёдзи легла размытая тень, но, возможно, это лишь очертания деревьев, тревожимых ночным ветерком. И все же Генри поднялся с неудобного футона, чтобы зажечь свет, однако в последний момент передумал и посидел немного в темноте, собираясь с мыслями и чувствами. Способный видеть, слышать и ощущать духов, он становился совершенно беспомощным, если не мог ни первого, ни второго, ни третьего. Неуловимый призрак в доме Кимуры все время выпадал из его поля зрения, дразнил, оставаясь на периферии.

¹Содзу – декоративный элемент сада, используемый для отпугивания мелких животных и, по некоторым версиям, злых духов. Состоит из полой бамбуковой палки на опорах, которая наполняется водой, опрокидывается и ударяется о каменную поверхность, издавая резкий звук.

– Чего ты хочешь? – тихо спросил Генри. – Если не навредить, то тогда что?

Вместо ответа по комнате пронесся ледяной порыв ветра, и на полу остались лежать белые лепестки траурных лилий. Но спустя пару секунд исчезли и они.

Всю оставшуюся ночь Генри мучили кошмары, а как настало утро он и не заметил. Его разбудил легкий шелест. Спросонья, не понимая еще его источник, Генри попытался натянуть на себя одеяло, но не обнаружил его. Пришлось все же открыть глаза, благо в этом немало помог дивный аромат яичницы с беконом.

– Доброе утро, Генри, – Сората жестом велел растерянной служанке уйти и вошел в комнату. В руках он держал поднос с едой и свежесжатым апельсиновым соком. – Прости, что без чая, не держу дома черного, а зеленый, насколько я помню, тебе не по вкусу.

Он с обескураживающей бесцеремонностью прошел мимо и опустил поднос на низкий столик в углу. В это время Генри отыскал одеяло – оно уползло на пол и частично запуталось в ногах, впрочем, нужда в нем все равно отпала, поскольку Аями скрылась в коридоре и деликатно задвинула за собой дверь.

– Доброе, – он взглянул на часы, – но раннее. Что-то случилось?

Сората и прежде на памяти Генри поднимался с восходом солнца, но сейчас и оно, кажется, только-только собиралось просыпаться. Кимура не спешил поворачиваться к Генри лицом, а когда сделал это, на нем играла вежливая, но совершенно отстраненная улыбка.

– Ничего. Я собираюсь кое-куда съездить, и ты поедешь со мной. Так что одевайся и завтракай. Я буду ждать тебя в холле.

Он собрался выйти, но Макалистер успел схватить его за руку.

– Постой! Куда ты хочешь меня отвезти? И почему так рано?

Сората не пытался вырваться, но и отвечать тоже.

– Аями приберет в комнате, так что об этом не беспокойся.

Генри опешил от резкой смены темы, и Сората воспользовался этим, чтобы освободить запястье.

– Я не попытаюсь сбежать или отвезти тебя в аэропорт, если ты этого боишься, – ровно произнес он, опуская глаза. – Ты помнишь, что я вчера сказал? Если да, то наберись терпе-

ния. И поешь, пока не остыло. Я лично готовил, специально для тебя. Все как ты любишь, яичница с беконом, горячие тосты с джемом.

Под конец в его голосе проскользнула хотя бы тень эмоций, и Генри нехотя отступился:

– Хорошо.

Он проводил Кимуру взглядом и раздраженно взъерошил волосы. Ночная тревога снова вернулась, если вообще уходила – может, он ошибся, и опасность исходила именно от сегодняшнего ночного гостя? Подумав, Генри отбросил эту версию. Интуиция молчала, и пока ничто не предвещало беды.

Одежду свою Генри обнаружил отглаженной и аккуратно развешанной в стенном шкафу, а он даже не заметил, кто и когда успел это сделать. Он наскоро позавтракал и покинул японскую половину дома. Сората уже ждал его, как и обещал, и это немного успокоило Макалистера, однако выражение лица Сораты ему совершенно не понравилось.

– Так куда мы поедем? – он постарался отогнать тревогу прочь, но скорбный вид Кимуры навевал воспоминания о ночных видениях.

– Иди за мной, пожалуйста, – он вышел из дома и широким шагом направился к гаражу, Генри не сразу поспел за ним, а догнав, не решился снова задавать вопросы, все равно это бесполезно, а ждать он научился.

Оказавшись внутри, Генри остановился, осматривая ряд разномастных, но одинаково дорогих автомобилей. Их оказалось не меньше пяти и вряд ли они все принадлежали Сорате.

– Хочешь угадать, какая из них моя? – предположил Кимура, остановившись рядом и запрокинув голову, чтобы видеть его реакцию. Генри только хмыкнул:

– Тут и гадать нечего. Вот этот белый холодильник вполне в твоём духе. Но при твоей... миниатюрности, я бы предложил поменять его на что-то спортивное, – и добавил насмешливо, – Круто будешь смотреться.

На миг он вспомнил их привычные пикировки в «Дзюсан» и улыбнулся искренне, но Сората его игру не поддержал, оставаясь таким же пресным.

– Я и так круто смотрюсь, – он пожал плечами и щелкнул брелоком сигнализации. Фары белого «субару» приветливо моргнули, подтвердив предположение Генри, вот толь-

ко радости это совсем не принесло. Напротив, в груди снова болезненно защемило. Сората, всегда верный своим принципам и убеждениям, мог стать лишь очередным образом в его памяти. Невозможно перестать об этом думать.

– А водить-то ты умеешь? – Генри осторожно забрался в пассажирское кресло, боясь даже пальцем коснуться идеально чистой отполированной поверхности. Автомобиль блестел стеклами и буквально обволакивал бархатом матовых поверхностей, таких идеальных, будто авто только что выкатили из салона. Словно на нем никто и никогда еще не ездил, и это не внушало доверия. Взгляд зацепился за нелепую разукрашенную игрушку на приборной панели – бочкообразная гейша с мерно качающейся на пружине головой. Неприятная вещица и совершенно не подходила этой машине.

Сората повернул ключ зажигания, весело замигали лампочки на панели, а через секунду, повинувшись неведомому приказу, открылись автоматические двери гаража.

– Издеваешься? – Кимура покосился в его сторону, и в глазах мелькнуло что-то нехорошее, похожее на обиду. – Между прочим, ты в невыгодном положении. Сейчас я заблокирую двери, и ты будешь полностью в моей власти.

Он что-то сделал – Генри не успел разобрать – и дверные замки щелкнули. Генри вздрогнул. Еще пару лет назад он попытался бы вывернуть последнюю фразу наизнанку, чтобы разрядить обстановку. Сегодня, почему-то, так не получалось.

– Неудачная шутка.

– А это не шутка, – мрачно отозвался Сората, выруливая из ворот прямо на дорогу. Он был напряжен, будто чувствовал себя неуверенно, и Генри решил не подливать масла в огонь. Возможно, Сората и впрямь не часто сам садился за руль.

Они миновали набережную и поехали невероятно узкими улочками. За окном проплывали миниатюрные домики с парковками для велосипедов, глухие заборы с выглядывающими из-за них коньками крыш, блестящие таблички с именами жильцов. Вскоре Генри перестал отличать их друг от друга, даже когда она повернули в более современный район со стеклянными многоэтажками и несколькими полосами движения, он не заметил разницы.

Сората заметно расслабился и больше не сжимал оплетку руля до побелевших костяшек пальцев. Один раз даже заметил на себе взгляд Генри и коротко улыбнулся.

Генри снова решил попытаться счастья и поинтересоваться, куда же они все-таки едут, но Кимура вдруг остановился.

– Сейчас вернусь, – предупредил он и вышел из машины. Генри проследил, как тот зашел в небольшой магазинчик, снаружи заставленный вазонами и горшками с немислимым разнообразием цветов. Вернулся он с букетом белых хризантем.

– Так куда же мы все-таки едем? – не утерпел Генри, когда они вновь тронулись с места. На секунду ему померешилось, что какая-то мутная тень промелькнула за окном и растаяла в отражении проплывающей мимо витрины.

– Тебе там понравится, – заверил его Сората. – Местечко в твоём духе.

– А шутка – в твоём. Полагаю, ты имеешь в виду кладбище.

– А ты все такой же предсказуемый.

Они снова замолчали. Если это и была шутка, то совершенно не смешная. – Ты хотел мне что-то рассказать, – осторожно напомнил Генри, желая увести разговор в другую сторону. Небо хмурилось, солнце так и не успело толком выйти из-за горизонта, как его уже затянуло тучами. Отчего-то казалось, что это дурной знак.

– Я очень много хочу тебе рассказать, Генри, – в голосе Сораты засквозила тоска, но даже в ней улавливалась капелька теплоты. – Действительно много. Слишком долго я держал все в себе. Знаешь, я очень часто разговаривал с тобой.

Он повернулся к Генри – взгляд скользнул по лицу – и Сората снова вернул внимание дороге. Только нижнюю губу закусил:

– Делился проблемами, спрашивал совета. Я так и не научился доверять людям, понимаешь?

Генри глубоко вздохнул. Он так боялся пропустить хоть одно слово, что не заметил, как перестал дышать.

– Мне нужен был ты. Мне нужен был... – Сората замешкался на секунду, – «Дзюсан».

– Ты болен.

– Очень давно.

– Сора...

– Давай без нравочений, – оборвал его Кимура и свернул в узкий переулок. Справа, как грибы, теснились маленькие

домики, слева возвышался небольшой холмик, забранный металлической сеткой. – Все, кроме меня знают, как я должен жить. А просто взять и поверить в меня настолько сложно?

Машина дернулась и резко встала, прижавшись одной стороной к каменному ограждению. Генри качнуло вперед, и на секунду он даже испугался. Заснеженные холмы лишь с виду безмолвны и спокойны, но иногда с них сходят лавины. Генри боялся, как бы его не погребло под одной из них.

– Приехали, – сухо сказал Кимура, глуша мотор, и откинулся на спинку сидения. Он словно избегал смотреть на Генри, и тот снова удержал себя от желания заговорить. Генри выглянул в окно, соотнося расстояние с возможностью выйти из машины без приключений, и протянул руку к дверной ручке, но Сората дернулся и схватил его за локоть.

– Все нормально, – Генри улыбнулся, похлопал друга по руке и выскользнул наружу. Потом наклонился и, упираясь руками в крышу, добавил: – Мне уже не терпится узнать, куда мы приехали.

Не хотелось в очередной раз выслушивать извинения, тем более, что ему самому неплохо было бы за многое извиниться. Впрочем, Сората сам нарывался, и Генри слегка удивился растущему в груди раздражению.

Сората помешкал, видимо собиравшись с духом, и вышел следом, прихватив цветы.

Через несколько метров впереди показалась каменная лестница, ведущая на холм. Они поднялись на небольшую площадку, и Генри опешил.

– Ты шутишь, – воскликнул он. От площадки, мимо небольшой приветственной таблички, вела еще одна лестница. Но даже отсюда хорошо просматривались возвышающиеся плиты, а в лицо дохнуло могильным холодом.

– Это ты не воспринимаешь меня всерьез, – Сората обогнул Генри и поднялся на верхний ярус. Кладбище оказалось небольшим, почти домашним, выложенные камнем дорожки проходили мимо рядов одинаковых серых памятников, идеально чистых и ухоженных. На многих из них, помимо имен были выгравированы напутствия или что-то еще – Генри все еще плохо читал по-японски. Сората дошел почти до самого конца и остановился у невзрачной плиты, на которой значилось одно лишь имя.

У Генри не нашлось слов, а Сората их и не ждал. Он поставил в вазу привезенные цветы, а Генри не сводил взгляда с его рук, движущихся плавно, как в национальных японских танцах, что доводилось видеть по телевизору. Слишком нереально, так же как и сложившаяся ситуация. Все это мрачное действие было окутано сероватой дымкой морозящего дождя, придавая пейзажу безжизненность и тоску черно-белой фотографии.

Чего хотел добиться Сората, привезя его на могилу Сакураи Кику, женщины, на чьих руках оказалось слишком много крови? Покаяться в чем-то? Или обвинить?

– Мне удалось добиться разрешения похоронить ее здесь, – начал Кимура, зажигая благовония. Генри заметно напрягся, не зная, что можно сказать, кроме банальных, никому не нужных фраз. И уж точно не нужных Сорате. – Это было непросто, к тому же я так и не смог найти ее родных. Может, это даже не ее настоящее имя.

– Прости. Она вся была... ненастоящая, – выдавил Генри. Кику умерла больше двух лет назад, а он снова ощутил, как ее тень возникла между ними.

– Она любила хризантемы, – Сората закрыл глаза и сложил ладони вместе, будто в молитве. Скорей всего так оно и было. – По вечерам она гуляла в саду, а после всегда пила жасминовый чай и отказывалась от сладкого, но по особым дням просила приготовить для нее вагаси¹. Она любила греть руки, забираясь ко мне под футболку, боялась жуков и очень злилась, когда я пропускал ужин. Думаешь, я могу считать ее ненастоящей?

Сората поднес сложенные руки к губам, тяжело вздохнул и открыл глаза.

– Она собиралась принести тебя в жертву, – мягко напомнил Генри, чувствуя, как раздражение внутри растет, и скоро он просто не будет в силах его сдерживать.

– Она была верна своей цели.

– Из-за нее погиб Сэм.

– У нее не было выбора.

– Да она... Да ты спятил! Ты знаешь это?

– Спятил? – Сората улыбнулся, но было в этой улыбке что-то безумное. Генри поежился. – Не у тебя одного есть призраки, Генри. Только у тебя это привидения, а у меня – упущенные возможности. Я постоянно об этом думаю. О

¹Вагаси – национальные японские сладости.

том, как сложилась бы моя судьба, будь я решительней. Если бы не плыл, повинуюсь течению. Думаешь, я ничего не понимал? Когда Кикю появилась в «Дзюсан», я сразу понял, что что-то не так. В этом месте не могло быть случайных встреч, договор исключал такие возможности, но «повезло» только мне. Я подозревал что-то, но мне было комфортней делать вид, что ничего страшного не происходит. К тому же я ее любил, хоть ты в это и не веришь. И если бы я что-то предпринял, она могла бы остаться жива.

– Она была причастна ко всему происходящему в «Дзюсан», – нетерпеливо возразил Генри. За прошедшие годы он так и не смог простить ее, пусть она и помогла спасти Сорату в самый последний момент. Ничто не могло оправдать ее. И самое неприятное – Генри радовался этому обстоятельству, любить эту женщину в его планы не входило. Поэтому он намеренно жестко продолжил, – Даже если бы она выжила, пошла бы как соучастница, а так как Дикрайн сбежал, всех собак повесили бы на нее. Не самая завидная судьба для женщины, не находишь? Вам с самого начала не суждено было быть вместе.

Морось прекратилась, но лицо Сораты оставалось все таким же серым и размытым. Генри моргнул, стоня мутную пелену перед глазами.

– И все-таки ты очень жесток, Генри, – с горечью произнес Сората. – Я думал об этом много и придумал около тринадцати способов спасти ее от суда. Но все бессмысленно. Слишком поздно, прошлого не исправить.

Генри боролся с жалостью, но сердце буквально истекало кровью при виде мучений Сораты. Он истязал сам себя, старательно и методично, шаг за шагом, день за днем доводя себя до предела мыслями о былом. Но... разве Генри не делал то же самое?

– Ты можешь изменить будущее, – сказал он. – Еще не поздно взять себя в руки и перестать плыть по течению. Твоя судьба в твоих руках, и я прилетел, чтобы тебе помочь. Я не оставлю тебя теперь одного, Сора! Уверен, она бы тоже не хотела, чтобы ты корил себя всю оставшуюся жизнь.

– Я и не собираюсь. Я уже все решил, – что-то в его голосе Генри не понравилось. Ответь мне, Генри. Только честно, – Сората повернулся к нему и посмотрел в глаза.

Генри замер, с замиранием сердца ожидая вопроса, легкое зудение под лопаткой предвещало неприятности. Воз-

дух стал тяжелым, как бывает перед грозой, по надгробной плите ударила первая тяжелая капля.

– Ты... хотел бы туда вернуться? Вместе со мной?

– Поясни, – хмуро отозвался Генри, хотя объяснения ему были не нужны. Он и так понял, о чем речь, и это ему совсем не понравилось. Настолько, что даже напугало.

– В «Дзюсан». Мне очень его не хватает.

– Ты бредишь.

– Нет, Генри! – воскликнул Сората. – Я совершенно серьезно! То, чем я занимаюсь, это все не мое. Постоянные подсчеты, расчеты, встречи с не всегда приятными людьми, поставщики, бизнес-планы... Разве роль школьного повара не подходит мне больше?

– Я не понимаю, к чему ты ведешь, Сора, – снова соврал Генри.

– Я купил Синтар.

Земля едва не ушла из-под ног, Генри пошатнулся, случайно хватаясь за одно из надгробий, и его словно молния пронзила. Внутри стало холодно, а кожу обожгло тысячей иголок, и это был не вновь начинающийся дождь. За спиной Сората мелькнула тень.

– Ты... Что сделал?

– Купил остров. Он теперь мой, Генри, – с восторгом ребенка, получившего радиоуправляемый вертолет, ответил Сората. – Я могу делать с ним все, что угодно.

Генри неожиданно все понял. Предупреждения, мертвые медиумы... Синтар. Опасность, угрожающая Сорате – это Синтар.

– Я тебе говорил уже, что ты спятил? – он нервно ткнул в Сорату пальцем. – Так вот, мой друг. Ты окончательно и бесповоротно сбрендил!

– Я даже слова такого не знаю.

– Ты идиот! – взревел Генри, теряя последние крупички самообладания. – Я столько сил и времени потратил! А все зачем? Чтобы ты сам себя угробил?

– Не кричи. Мы все-таки на кладбище.

Сората с непониманием посмотрел на него, и до Генри дошло, что он так и не объяснил истинных причин своего приезда.

– Извини. Давай поговорим в другом месте, – предложил Генри. Дождь усилился, серые камни кругом потемнели, и в воздухе запахло прибитой пылью и испарениями от горячих камней. Сората кивнул, смахивая с волос влагу, и по-

смотрел на Генри отсутствующим взглядом, так смотрят люди, не находящие понимания со стороны близких. Еще совсем недавно на него так смотрела Кейт.

До машины они добрались в молчании. Дождь к тому времени совсем разошелся, и тонкую рубашку Генри можно было смело выжимать, Сората же был похож на промокшего галчонка. В машине он сразу же включил печку – не смотря на жаркую погоду, дождь оказался холодным, совсем осенним.

– Я все еще не могу поверить, – Генри уже не злился, вода охладила его пыл. – Зачем тебе остров, Сора?

– Хочу открыть там приют.

Макалистер снова начал закипать.

– Но этого нельзя делать! Ты забыл, что там происходило? Что там случилось с Филлис? Скажи, как тебе в голову пришло привозить детей в такое место? – тут Генри замолчал. – Или не тебе? Сората, что на самом деле с тобой творится?

– Не понимаю, о чем ты. Мой проект одобрило и частично финансировало государство. Остров исследован вдоль и поперек специалистами, начиная от санитарных служб, заканчивая экзорцистами. Никаких странностей не обнаружено. Если там что-то и было, оно ушло, Генри.

Генри отвернулся, пытаясь осознать услышанное, а Сората продолжал:

– Ты думаешь, мной кто-то управляет? Но я отдаю себе отчет... И мне действительно его не хватает. Словно там осталась часть меня. Очень немалая часть.

– Этого я и боялся, – выдохнул Генри и откинулся на спинку пассажирского кресла. – Год назад умер первый мужчина из тех, что я нашел, до этого с ним что-то случилось на острове. Я видел что-то, не знаю, что, но оно было рядом с последней жертвой. Дикрайн заигрывал со злом. Я чувствую надвигающуюся бурю, Сората. Тебе нельзя приближаться к Синтару. Забудь об Академии, ее больше нет, а земля, на которой она стояла, пропитана кровью. Ты можешь отказаться от своей бредовой затеи?

Под конец Генри почти умолял.

– Боюсь, уже поздно, – Сората покачал головой. – Проект одобрен и запущен, скоро завершится реконструкция здания, и если не будет найдено доказательство, что

остров опасен, через год приют откроется. Только не уверен, что сверху кого-то будет волновать эта, прости, потусторонняя дурь.

– Это не дурь! Чем, по-твоему, вызвано твое недомогание? Мнение врача мне известно, но мне интересно твое.

Генри так пристально всматривался в глаза Кимуры, что не сразу заметил тень, нависшую над ним. Но стоило поднять взгляд, как видение исчезло, но осталось ощущение чужого злого присутствия.

– Это не мои слова, – неожиданно смутился Сората и отвел взгляд, лицо его резко утратило краски. – Я не знаю, что происходит.

– Зато я знаю! – Генри взмахнул рукой, неловко сшибая с передней панели игрушку. Сората испуганно вжался в кресло и неожиданно обмяк. – Сора! Сора, что с тобой?

Он потрогал его вмиг охладевшие щеки и почувствовал, как внутри все переворачивается: от почти первобытного страха до угрызений совести за свою несдержанность. Только он точно знал, что его вспыльчивость была тут совершенно не причем.

– Господи, Сората, что же делать? – беспомощно пробормотал Генри, но помощи ждать было неоткуда. Тяжелая безликая тень снова нависла над телом Сораты, и Генри, повинувшись порыву, обхватил Сорату руками и импульсивно прижал к груди, насколько позволял ремень безопасности. – Я не отдам его тебе, слышишь? Кем бы ты ни был, я не позволю причинить ему вред!

Воздух всколыхнулся, и тень развеялась, словно передумала нападать. Генри расслабленно выдохнул, прижимаясь щекой к шелковым гладким волосам, и сильнее сжал плечи Сораты. Со стороны вдруг раздался короткий механический смешок. Игрушка, тоненько то ли хихикая, то ли плача, поднялась с пола и встала на свое место, только круглая головка подрагивала в ритм звукам.

По телу у Генри побежали мурашки. Это не просто призраки, это нечто несоизмеримо большее. Но уже секунду спустя чужое присутствие исчезло окончательно, Сората вздрогнул и шумно втянул ртом воздух.

– Генри, – прошептал он, вяло пытаясь отстраниться. Генри дернулся и дрожащими руками вернул Сорату на его сиденье.

– Как ты? – Он озабоченно склонился над ним, отмечая посвежевшие щеки и возвращающийся в глаза блеск. Кимура запрокинул голову и глубоко вздохнул. За этими переживаниями Генри и не заметил, как перестала плакать кокэси¹.

– Я же не должен врать, да? Как себя чувствуют люди, когда теряют сознание? Полагаю – никак.

Сората пытался хохмить, а значит, все было лучше, чем могло.

– Нам надо вернуться домой. Где твой телефон? Давай позвоним Масамуне и попросим его тебя забрать?

– Нет! – излишне импульсивно встрепенулся Сората. – Только не Масамуне.

– Почему же?

– Представляешь, что будет, если он узнает? Нет, ни в коем случае... Только не ему.

Сората вытащил телефон и быстро набрал номер, и уже спустя несколько секунд пояснил:

– Я позвонил своему водителю. Он подъедет на такси и отвезет нас домой.

– Не очень доверительные у тебя отношения с личным секретарем, – заметил Генри, как бы между прочим.

– Он слишком сильно обо мне печется.

– Почему-то я его понимаю. Стоит упустить тебя из вида на пару лет, а ты уже острова покупаешь.

Генри помолчал с минуту и добавил:

– Но врачу сказать придется, я полагаю. Какова бы ни была причина твоих обмороков, тело от этого страдает. Я не слишком доверяю врачам, но, боюсь, это необходимо.

Сората обреченно кивнул. Похоже было, что постоянный присмотр врача его утомил. После продолжительного молчания, когда вдалеке показалась желтая точка такси, он негромко произнес:

– Я сказал, что ничего не чувствовал без сознания. Но это не так. Когда ты обнял меня, я почувствовал тепло.

Генри очень захотелось перевести все в шутку, но язык не повернулся. Никому бы от этого не стало легче.

Через пару минут Сорату пересадили на заднее сидение, а Генри всю дорогу до дома Кимуры пытался убедить себя, что ошибается в своих догадках. Но, кажется, он уже знал, кто шутит над ними обоими, и неведомое зло острова Синтар виновно в этом лишь отчасти.

¹Кокэси – японская деревянная кукла, покрытая росписью.

К Сорате не пускали до самого вечера, никто, кроме верного Масамуне и доктора, не мог попасть в его апартаменты в японской половине дома. Генри с Хибики оставалось только узнавать новости через служанок.

– Что вы ему сказали?

Хибики сидел поперек кресла, перекинув ноги через подлокотник, и листал книгу. Видимо, ему надоело следить за метаниями Генри, и он решил заговорить с ним.

– Ничего такого! – возмутился было Генри, но тут же сник. – Мы говорили о Кику.

Хибики поджал губы:

– Неудачная тема.

– Он первым ее поднял, привезя меня на кладбище.

Наблюдая перемены в лице Курихары, Генри догадался, что тема Кику неудачна не только в отношении Сораты. Приближалось время ужина, гостиная, где они расположились, была недалеко от столовой, и иногда до них доносились звуки шагов и звон посуды.

– Я понимаю вашу ревность и вашу обиду, – негромко сказал Хибики и отложил книгу. – Когда ты выбираешь человека, а он выбирает тебя, третий воспринимается как помеха. Он угроза вашему маленькому миру. Но вам стоит смириться, иначе вы не дадите Сорате дышать. Будьте рядом, но не заслоняйте собой свет, даже если он сам вас об этом попросит.

Иногда Курихара выдавал такие мысли, понять которые Генри удавалось не сразу. На чем основывался он, говоря все это? Ему едва исполнилось девятнадцать, а его суждения заставляют задуматься взрослого мужчину. И Генри верил ему, даже если не до конца пока понимал.

За всеми этими событиями Генри совершенно забыл про Кейт, а она позвонила ему сразу после ужина, и тон ее Генри сразу не понравился.

– Генри, возвращайся, – безапелляционно потребовала она. – Твое место дома, рядом со мной.

«Когда ты выбираешь человека, а он выбирает тебя, третий воспринимается как помеха», – вспомнилось ему тогда. Он полагал, что речь о Кику, а вот Кейт упустил из виду. Выходит, она для него... помеха?

– Я не могу, – просто ответил он. – Здесь я тоже нужен, понимаешь? Это важно для меня.

– Ты больше меня не любишь?

Вопрос застал Генри врасплох. Он сильно сжал телефон в руке, но не решился нажать на отбой. Это было бы нечестно по отношению к Кейт.

– При чем здесь это? Кейт, мне казалось, мы давно прояснили этот вопрос. «Дзюсан» никогда меня не оставит.

– «Дзюсан» ли? – в ее голосе сквозила презрительная горечь. – Не обманывай сам себя. Ты зависим. И это самый худший вид зависимости – зависимость от человека.

Она сама прервала связь. Короткие гудки будто вышвырнули Генри в реальность.

Он покинул комнату и в коридоре столкнулся с Аями.

– Где Сората?

– Господину вызвали в главный офис компании, – с поклоном ответила она. Не стоило даже спрашивать, как он при этом себя чувствовал. Кимура отправился бы на работу даже с того света.

– А Хибики?

– После ужина молодой господин гуляет в саду. Это традиция.

Генри было все равно, с кем, лишь бы поговорить. Он ощущал, как внутри него все меняется, перестраивается. И не только внутри. Рушился и возрождался заново его тот самый «маленький мирок».

Скоро должно было стемнеть, но пока сад был окрашен всеми оттенками зеленого и коричневого. Приближающаяся осень холодила воздух, и Макалистер зябко поежился. Ему нужно было посоветоваться с ним, поделиться своим решением. Он не знал, как ему быть дальше. После звонка Кейт он понял, что время не бесконечно, особенно, когда дело касается их с Соратой. К тому же, было еще кое-что, о чем бы он хотел пообщаться с Хибики.

Тропа круто извернулась под ногами и исчезла с глаз. Макалистер свернул следом за ней и, пройдя сквозь низко свисающие тонкие ветви, оказался перед небольшим строением, находящимся, в сравнении с остальными, в заметном запустении. Квадратные, забранные решетками, окна смотрели на пришельца будто с подозрением, и Генри ощутил стойкое желание уйти отсюда. Но скрипнули давно не смазанные петли.

– Кто здесь? – позвал Генри, не особо надеясь на ответ. Порыв ветра сорвал с пышных кустов магнолий листья и бро-

сил Генри в лицо, он вытянул руку и на ладони остались сухие лепестки белых лилий. Генри сжал их в кулаке, а когда разжал пальцы, в них ничего не осталось.

– Играть со мной вздумал? – тихо прорычал Макалистер и тряхнул головой. – Черта с два ты меня напугаешь своими тупыми розыгрышами.

Он решительно направился к сараю и отворил рассохшуюся дверь.

В лицо тут же пахнуло застоявшимся воздухом с характерным запахом плесени и пыли. Здесь очень давно никого не было. Макалистер оглядел старый садовый инвентарь, разложенный как попало, будто в спешке, а пройдя пару шагов, он ударился ногой и валяющееся на боку жестяное ведро. В абсолютной тишине раздался неприятный грохот. Однако это несчастное ведро, возможно, спасло ему жизнь, потому что прямо за ним в полу чернел прямоугольник открытого люка, и упавши Генри в него по неосторожности, мог бы переломать кости.

Генри присел на корточки возле отверстия в полу. Миазмы сырости и земли вызвали в памяти не самые приятные ассоциации, лезть туда совершенно не хотелось, но Генри чувствовал взгляд в затылок, леденящий и пристальный. Было ли это подсказкой или ловушкой, узнать об этом можно было лишь спустившись в подвал. Он включил фонарик на телефоне и попытался сверху оглядеть пространство под сараем, однако кроме грубых досок пола ничего не разглядел. Вздохнул, поставил ногу на верхнюю ступеньку лестницы, шаткой и весьма опасной на вид, и вдруг с ужасающей четкостью понял, что все-таки попался на удочку. Легкий, почти невесомый толчок в грудь, и пальцы предательски соскальзывают. Короткий миг падения, и Генри спиной приземлился на грубый жесткий пол. Телефон отлетел в сторону и погас. Люк захлопнулся.

Когда стало абсолютно темно, Генри замер на полу, не решаясь подняться. Тьма давила на него со всех сторон, сырые запахи старого подвала, сочащийся из-под грубо сколоченных досок запах земли настойчиво лезли в нос и заполняли собой легкие. Генри стало нечем дышать, в горлу подкатила тошнота, вызванная приступом паники. Он вспотел, кровь билась в ушах барабанной дробью. Только не снова... Он не хотел здесь находиться, только не один. Не в темноте. Зрение отчаянно пыталось адаптироваться, но не могло спра-

виться с полным отсутствием источников света. Генри прижал ладонь ко рту, борясь с тошнотой. Глупая шалость неведомого призрака вдруг в одночасье обернулась кошмаром. Словно кто-то точно знал, чем можно напугать Макалестера, всколыхнуть в нем почти животный, отнимающий способность мыслить ужас. И, черт побери, у него это получилось.

Раз, два, три – на меня посмотри.

Она смотрела на него из темноты. Ее глаза – бесцветные, блеклые, с закручивающимися в глубине водоворотами, свинцово-серыми, как зимнее море – вернулись из далекого прошлого, из прошлого, которые хотелось, но не получалось забыть. Его первый призрак.

Четыре, пять – давай-ка играть?

С тех пор с ним больше не хотели играть соседские дети. Мальчишки дразнили, но всегда издалека, а их матери шептали ему вслед древние молитвы, отгоняющие злых духов. Только настоящих духов они отогнать не могли, и когда одноклассница Генри упала с обрыва, нашелся человек, который сказал: «Это он виноват». Он во всем виноват...

Шесть, семь, восемь – мы все просим.

Их становилось все больше. Мертвых всегда было больше, чем живых, они искали Генри, потому что хотели покоя, которого он не мог им дать. Он мог просто говорить с ними, а они чаще всего даже не могли ему ответить, только возникали на пути и провожали его спину слепыми взглядами. Генри отчего-то был уверен, что все они слепы.

Девять, десять – кого из нас повесят?

Джон Дэвис болтался в петле, когда Генри, горящий надеждой, нашел его на втором этаже маленькой гостиницы на дороге из Ковентри в Дерби. Его ноги в грязно-белых носках плавно покачивались, веревка поскрипывала, мерно гудел включенный кондиционер. Все, что знал Генри, это имя, фамилия и то, что Джон Дэвис вернулся с острова Синтар неделю назад. Что он там видел, что пережил? Почему в электронном письме на вопросы Генри он ответил: «Остров уже выбрал жертву»?

Кого выбрал остров?

Сорату?

Генри барахтался в своем собственном помутненном сознании и никак не мог отыскать выхода. Это уже была не просто паника или приступ клаустрофобии. Нет, это было